

МЫСЛЬ КРАСНОАРМЕЙЦА

Август, 1919 г. Н-Новгород.

№ № 7—8

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ИЗДАНИЕ Агит.-Просв. Отдела Нижегородского военкомата.

Золотые слова.

Советское правительство имело не программу постепенных преобразований (реформ), а революционную программу.

Реформа суть уступки, получаемые трудящимися от господствующего класса при сохранении его господства. Революция есть ниспровержение господствующего класса.

Поэтому программы реформ состоят обычно из многих частичных пунктов. Наша революционная программа состояла, собственно говоря, из одного общего пункта: Свержение пта помещиков и капиталистов, свержение их власти, освобождение трудящихся масс от этих эксплуататоров».

Н. Ленин.

Маркс доказал, что, если мы уничтожим капиталистический рынок, который путем падения и повышения цен регулирует производство, то нас ожидает или хаос, неразбериха, или мы должны на место этого регулирования производства рынком дать учет, точнейший общественственный учет всей хозяйственной жизни страны и напряженно устремиться к тому, чтобы сорганизовать ее, как одно целостное хозяйство. Это одна из основных задач того коммунизма, которого мы являемся сторонниками — не коммунизмов отдельных коммун или кооперативов, работающих за свой собственный интересы, что неминуемо приведет к разграблению хозяйства народного и к полному ряду вибраций, а к обогащению одних и к обеднению других. И наша задача, которую мы проводим, была Марксом предсказана.

В речи нашего вождя, Ленина, опять звучит в резках, определенных, до грубости определенных формах этот призыв, мощный и трезвый, твердящий, что если мы не сможем учесть российского хозяйства, подчиниться в хозяйственном отношении, начать строить рассыпавшуюся храмину общенародного хозяйства, тогда ни о каком социализме и коммунизме и речи быть не может. Именно учет, распределение работ так, чтобы, как одна целостная машина, работало возможное более широкое хозяйство. А в России оно может быть чрезвычайно широким, может быть грандиозным — и по размерам России, и по количеству населения, и по неизмеримым богатствам недр. Только тогда можно говорить реально о каком-либо социализме, ибо простой захват власти рабочим классом не есть социализм, а лишь вступление к нему, это только еще ключ приобрел тут пролетарий, которым он может отпереть дверь подлинного социализма. Настоящая работа — это учет и урегулирование производства».

Г. Зиновьев.

«Такова судьба всех революций, что союз различных классов, который в известной степени всегда составляет необходимое условие всякой революции, не может существовать долго. Как только одержана победа над общим врагом, победители разделяются на различные лагеря и обращают оружие друг против друга. Это-то быстрое и страстное развитие классового антагонизма и делает в старых и сложных общественных организмах революцию таким могущественным фактором общественного и политического прогресса».

К. Маркс.

У всякой партии, предводительствуемой и составленной главным образом из мелкой буржуазии, не будет той революционной смелости и готовности, которыми отличается пролетарская партия.

Нерешительность, слабость и трусость демократических вождей сделали свое дело, и теперь рабочий класс, сосредоточенный в сколько-нибудь значительной массе в одном месте, смигнуло освободился от влияния демократов».

Н. Маркс.

Диктатура пролетариата имеет свое историческое значение в том, что она проводится в интересах подавляющего большинства народа и представляет собою переходную меру к тому, чтобы самое себя уничтожить и осуществить идеал демократии: свободный народ на свободной земле за свободным трудом».

К. Цеткин.

«Необходимо, чтобы буржуазия перестала быть распорядителем судьбы народов, трудящиеся должны стать сами хозяевами жизни. Эта идея глубоко проникла в массы. Этому научили их не агитаторы, а сама жизнь. Красный призрак социалистической революции реет над миром — призрак революции, которая положит конец всякой эксплуатации человека человеком. В этом существо социалистической революции».

Н. Крупская.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МЫСЛЬ — Красноармейца.

Издание Агитационно-Просветительного Отдела Нижгубвоенкома.

№ 7-8-й.

Август 1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ: В. Захаров. Леонид Порошин, И. И. Ганин, А. Корицын, А. Н. Вахирев, П. Александров, И. В. Маруда, Тобольский, М. Ионов, Родимов—Стихи. Н. Лапин—драматический этюд. Ф. Михин, П. Александров, Анишев, Ф. Гончаров, Н. Муралов, Н. Марьин, Ульягин, Унжиев—и рассказы, заметки. Обращение III-го Интернационала к пролетариату, статья Руднянского о I. Самуэли Телеграммы. Действия и поражения правительства. Отчет о состоянии губ. школы агитации и пропаганды. Жизнь гарнизона. Ребусы, загадки, шарады. Золотые слова. Борис Гусман—Песня веры и радости.

Звоны зорь утренних.

Отворю я ставни-складни избянные,
Я стеколице узорное открою,
Загорелись частоколы зоревые
За смолистым бором, за курган-горою.
Полыхнули над полями свето-тени,
Над рожаными прокрыли красной птахой.
За косулею кривою цвето-летний
Парень землю мнет в кумачневой рубахе.
Зори алые жует буланка жадно,
Запивая песно-звонными росами,
Парню томь среди полей росно-прохладных,
Терем сердца плачет смехами-слезами:
«Пряли нити из кудрей наших шелковых,
Вили плети по рисуночкам узорным,
И гуляли плети-змеи безтолково
По спинам удал-молодцев непокорных;
Ой, нам велено косули спрятать в риги,
Затупить серпы, плуги и звонокосы,
Чтоб в избах пустых шишикали шишиги,
В ртах коров не пахли медом сенокосы;
В чужь-дали мы долго рыли склеп-окопы
И вострили меч про брата-хлебороба,
Но в горах блеснули нам Господни тропы,
И низверглась в ад бесовская утроба;
Ой, мы в те поры заплакали-смеяно,
На Господний лад настроили жилейки:
«Нет тебе ковриги, Молох окаянный,
Не просыплем руды аloy за копейку».
Ой, тогда-же мы все плети раскрутили
И тряхнули шелкопрядными кудрями,
Волю-непокорь селянью воскресили,
Зацвели, запахли травами, смолами:
«Ой, не будем мы могилы рыть, не станем
Про чужой живот, про трудового брата
И точить мечи булатны перестанем—
В человеке нет злодея-супостата».

Ой, ты, братья, гласу Божескому внемли:
Как заблещут на заре багряной росы,
Мы уйдем скорей в свои святые земли,
Навострим плуги, заржавленные косы,
Мы покай снесем заступнику Миколе
За пролитую руду на поле браны,
В ригах скрытые косули вышлем в поле,
Сивку выведем на лыковом аркане.
Ой, мы глубоко матку-землю проворотим,
Злат-назывом мы заморену напитаем,
Всю утерь-потравь сгубленную воротим,
Прожитое добро с лихвой наквитаем;
Ой, усыплем мы злат-ярью все закромы,
Сенокосным медом все дворы запахнут,
Понастроим мы резные дом-хоромы,
Подивятся люди думные и ахнут.
Ой, и пир же мы на радостях устроим:
Наварим в печной жаре квасов-кулаги,
Сладких сладостей и жаркое готовим,
Насытим на медах пчельих хмельной браги:
Ой, и кликнем же мы клич по миру Божью:

«Приходите с даль-морей, кому досужно,
Силой меряться за стол с хмельком и рожью—
Вот война Руси, другой нам и не нужно!

Песня парня-кудряша гудит на север,
Ярко-звонная аукает на юге,
И целует ее красный мак и клевер,
Внятно внемлют ей стропилы на лачуге,
Черный Наспий ее слушает в тревоге,
Митра белая Навказа шлет поклоны...
И не та-ль дорога радостная к Богу,
Что поется в этой песне злато-звоне!»

В. Захаров.

На новых путях.

(Посвящается коммунистам).

Вы к детям подошли с открытою душой,
Горя желанием им счастье принести;
Вы первые на битву вышли с нищетой
И к жизни радостной наметили пути.

И бедные жильцы подвалов неизвестных,
Где грязь сочилася, мешаясь с мочей—
Узнали вдруг уют и роскошь зал прелестных,
Где шел когда-то пир, вино лилось рекой...

Где предавалась знать безумному веселью,
Не видя на стене загадочных цитат;
Где в блеске эполет и дамских ожерелий
Уж чудился огонь восстаний, баррикад...

И вот прошли года—и пала тирания,
И роскошь всех дворцов к народу перешла.
Над миром красный стяг взвила в борьбе Россия,
И к солнцу яркому с победою пошла.

Пусть враг нас жмет кругом. Но вы... Вы—коммунары,
Преградой встанете, примкнув свои штыки.
И грозы будут ваши новые удары
На ненавистные, злодейские полки.

Не страшно смерть принять, когда за нами дети—
Страдальцы бывшие подвалов и углов.
С победою врага—их ждет тюрьма и плети;
С победою коммун—им праздник из цветов.

Леонид Порошин.

Наша песня.

Мне слышались стоны народные
Из дальних медвежьих углов.
И скрежет зубов и проклятия грозные
С заводов, из всех городов.
Нужда... Темнота... Цепи рабские
Повсюду царили у нас,
Мученье и голод, страдания адские...
Радостен смертный был час.
А в высших кругах развлечения
И вина для ихних утроб.
Для них лишь теперь, лишь сейчас увлечения,
А после—хоть ад, хоть потоп.
И вот разлилася могучими
Волнами народная рать
На всех паразитов, рабочих что мучили,
Ребенку мешали дышать;
Прокляв кабалу, все рабочие
Пошли к мицедам ордой,
Сжав крепко винтовки, направив орудия,
В последний, решительный бой.
Средь грохота пушечных выстрелов
И визга снарядов в бою.
Мне слышались песни о мести и радости,
Которые я и пою.
«Мы люди рабочие, дети труда.
От нас мировская скройся орда,
Довольно терпели от вас, от господ,
И лили кровавые слезы и пот.
Не тронем мы вас, но мешайте лишь нам,
В противном же случае горе врагам!»
Мы люди рабочие, дети труда,
Шутить мы не любим ни с кем, никогда.
Та кровь и тот пот, что вы пили из нас
Зовут нас отомстить, покарать за них вас;
Но крови и пота ничьей не хотим,
Мы жизнь нашу так, без нее, создадим.
И жизнь будет светлая, рай на земле.

Красноарм.-добр. И. И. Ганин.

Мститель.

Кто первый восстал на защиту свободы,
Кто первые битвы принял,
Кто кровью своей истекая,
Знамя восстания поднял?
Кто баррикады строил повсюду,
Смерть презирал... И желал
Лучшего, счастья народу,
Кто, коммунизм защищал?
Кто в тюрьмах сырых и холодных
Долгие годы томясь,
С кличем вышел к народу
Свободу и землю спасать?
Кто там, в сырых и холодных окопах
Стойко дерется с врагом,
Кровью своей и винтовкой
Защищает жен, детей и отцов?
Кто ты, защитник народа,
Страшный мститель за нашу нужду?
То—пролетарий могучий
Об'явил капиталу войну.

Красноармеец А. Корицын.

Наследникам Ильи.

* * *

Наставшим днем
С огнем
В груди
Иди
На битву—
Народ
Возьмет
Твою молитву:
«Да здравствует Интернационал!»
В свою божницу.
Он год от году
Искал
Свою Жар-Птицу—
Свою свободу;
Он проклинал
В былинах южных
Бойцов ненужных
От чуждой кости,
И на татарина
И на крестьянина
Полных злости.

Алешек с глазами завидущими,
С руками загребущими,

Но святым

Назван им

Матерой казак и крестьянин Илья Муромец—

Свет Иванович,

Бившийся за вдову и сироту;

Гнавший с Руси нечисть горделивую,

Князьям и боярам перечивший,

Злом «ни на татарина, ни на крестьянина не помысливший!»

Следуй за ним,

Народным святым!..

Наставшим днем

С огнем

В груди

Иди

На битву—

Народ

Возьмет

Жар-Птицу,

Которую всегда искал,

Твою молитву:

«Да здравствует Интернационал!»

В свою божницу.

А. Н. Вахирев.

I.

Путники утра.

Мы ночью снялись со спокойного стана,
А утром пошли под покровом тумана,—
Полки наших ратей, к восходу, к победе,
Полки великанов из огненной меди.

Мы тяжко трудились, но мы не устали,
И наши окрепшие руки из стали.
Отрывочен грохот чугунного шага
Под шумными крыльями буйного стяга.

И первое слово высоких штандартов
В честь павших героев парижского марта.
И к самым высотам небесного свода
Наш клич соколиный: Свобода! Свобода!

Мы витязи солнца, и алые латы
Однем скорей! Наши души крылаты.
Вожди!—Позади вас всесильные рати
Клянутся о мести, при каждой утрате.

Мы миру укажем на новые вехи...
Скорее же в бой, надевайте доспехи!
Сомкнувши теснее ряды за рядами,
Безудержно в даль, за родными вождями!

II.

Пролетарским поэтам.

О, воины красного слова,
Грядущего солнца певцы,—
Вам радуги песни громовой
И звездные строки—венцы.

Стихи ваши—быстрые кони,
Слова—огневые мечи,
Всегда неустанно в погоне
Вы мечете стрелы-лучи.

Весны небывалой предтечи,
Как сладок ваш яростный зов
И последней решительной сечи,
И свержению черных оков.

За вами спешат легионы
Под сенью багряных знамен,
И слышатся звездные звоны
В напевах грядущих времен.

III.

„Мощи“.

Попы горланят о святых,
Храм от свечей весь полон чада,
Святые в рамках золотых
Лежат, спасая всех от ада!

Их души молятся в раю,
Внимает им небес владыка;
Бедняк несет мощну свою,
Он в жизни жалкий горемыка...

Святых нетленные тела,—
В атлас завернутые тряпки,—
Вершат доходные дела,
Чтобы попам жилося сладко.

И Тихон, праведный Донской,
Макар и Кашинская Анна,
Авгарь, Авилла, Нил и Псой,—
Велик их круг благоуханный!

Попам от них большой доход!
Но есть еще одна покрышка—
Царизма, веры, лжи оплот—
Распутник-мученик, хам—Гришка!

IV.

* * *

Колокол, звони громче,—
Пусть заперты наглухо двери,—
Мы знаем, кто наш нормчий,
Мы больше богам не верим!

Сердца наши—алые маки,
А взоры—лазурные дали.
Мы знаем, кто воет во мраке,
Кого мы к земле прижали.

Мы знаем—дворцов граниты,
Роскошные ваши чертоги
Рабочего кровью омыты,
Слезами безмолвно убогих.

Не нужно нам ваших дворцов,
Церквей, уходящих в выси,—
Мы сами себе Прометеи,
Мы сами себя возвысим!

V.

Песнь коммунара.

Мы развернули свои знамена,
Мы отточили свои мечи.
Еще недавно, над нашим плenом
Смеялись злобно палачи...

Мы развернули свои знамена,
Столкнули троны королей,
Мы променяли на радость битвы
Ряды невспаханных полей.

Хмельное счастье победных шествий,
Геройский пламень в речах вождей!..
Мы жаждем мести, мы жаждем мести,
Мы шлем проклятья былой нужде!

Мы право власти сознали ясно
В недавно спавших еще умах,
И это право сжимаем крепко
В трудом испытанных руках!

Мы развернули свои знамена,
Мы отточили свои мечи,
И в полном страхе, спасая шкуры,
Бегут трусливо палачи.

Мы развернули свои знамена...
Пускай погибнет былая муть!
Мы знали цепи, мы любим волю,
Вступаем с песней на новый путь!

П. Александров.

Привет с фронта.

Попы нас научали
Закон и веру соблюдать,
Любить других, любить свои печали
И никого не презирать.
Проснись, народ!
Попы одели рамена,
Палят из пушек, кричат вперед,
И на кого же: на трудовые племена...
Мы шлем тебе, народ, приветы с фронта.
Стоим мы на посту,
Дубасим здорово поповские отряды.
Спешите к нам, вам будем рады.

И. В. Маруда.

Красная Армия,
Западн. Стрелк. дивизия.

Думы красноармейца.

Стихотворение в прозе.

Подневольная жизнь пала, а душу мою все еще гнетут ее образы. Зачем, зачем они живут в моей памяти! Ведь старому возврата не будет. Терзалось тогда и сердце мое, и тело мое. Гасли молодые силы, блекло лицо, застывала кровь. Тоска давила мою грудь. Я метался из стороны в сторону, из страны в страну, но не мог уйти от судьбы—лиходейки.

Прочь от меня, тревожные думы, дайте свободно мне грудью вздохнуть; дайте в сердце мое исстрадавшееся весенним лучам проглянуть.

Я способен бороться с вами, я в силах одержать победу над старым миром. И я борюсь. Я чувствую приближение моей победы—и ликую радостью великой. Жизнь подневольная пала, старому нет уж возврата!

Красноармеец Тобольский.

Посвящается красноармейцу.

Нак один, мы все готовы,
На защиту наших прав.
Не дадим вампирам снова
Проявлять свой зверский нрав.
Мы за кровь—ответим кровью,
Власть свою мы защитим—
К ней горим мы все любовью,
Палачам мы отомстим.
Все интриги их расстроим,
Обман и ложь разгоним мы,
Правды светлый храм построим,
Разрушим царство зла и тьмы.
В кабалу, к богатой своре,
Никогда уж не пойдем—
С ней в бою о том поспорим,
В нем победу мы найдем.
Мы в силы наши верим крепко:
Мы—не одни... Мы—всюду есть.
Винтовкой верной, пулей меткой,
Пролетарскую спасем мы честь.
Итак, тесней в семью сберемся,
Под знамя Красное Труда—
Ему мы жизнью поклянемся,
Что не изменим никогда.

Инструктор 1-го Приволж. полка М. Ионов.

Сомкнем ряды.

Сомкнем ряды. Теснее сомкнемся и двинемся ратью на наших врагов, чтобы с нами Колчак и Деникин не мыслили спорить вперед. В Европе восстала повсюду рабочая сила труда, и как там буржуй ни гадает,—настала ему неизбежно беда. Так дружно, товарищи, грудью мы встанем за наши права, возвысим мы Красное знамя, чтоб легче дышала страна.

Красноармеец Родимов.

Красноармеец Н. Лапин

Накануне.

Драматический этюд в одном действии из жизни деревни.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Дмитрий Егорович Латышев, 27 л., сиделец в казенной гиной лавке.

Маша—его жена.

Прасковья—теща Латышева.

Даша—своюченица Латышева, стремится к свету.

Павел Николаевич Крутцовский,—сельский учитель, за всестадай Латышевых.

Александр Владимирович Аэкорский,—земский начальник, лет тридцати.

Мотыльков—волостной старшина, груб.

Экзекутор—урядник.

Митрич—сельский староста, любит «выпить».

Анина—его жена, крикливая баба.

Шика—«дядя Иван»—сторож при волостном правлении—«шельма».

Гришка—деревенский гармонист, парень лет 18-ти,—глуповат.

Одноэтажный деревянный дом, в котором помещается казенная винная лавка и при ней квартира Латышева. Довольно обширная комната, венская мебель, налево (от зрителя) два окна на улицу, далее, в углу, стол, прямое—входная дверь, на правую стену—тоже стол и на нем самовар и чайная посуда, далее—дверь в спальню, на стенах часы...

Майский вечер, окна открыты, с улицы доносятся песни крестьян, вдали слышны трели соловья, притихли слада, сольше садятся. При поднятии занавеса, Крутцовский сидит у окна и читает газету. Даша смотрит в окно.

Крутцовский (перено бросая газету).

Нет... Невозможно, только и читаешь: грабежи, убийства, экспроприации да виселицы... Даже на душе от этого становится гадко...

Даша (отрываясь от окна).

Вот я вам и говорю: читайте-ка лучше поменьше газет этих.

Крутцовский.

Эх, Даша, не газета виновата, а так, вообще тяжело... Невыносимо тяжело, понимаешь?..

Даша.

Я всегда замечала, особенно последнее время...

Крутцовский (прерывая).

Да не то, а вот здесь (показывая на грудь), что-то давит, щемит и чует мое сердце что-то недобро, руки опускаются... Жизнь отвернулась и стала ко мне спиной и нахально смеется!..

Даша.

Да что вы, Павел Николаевич?..

Крутцовский.

Нет, Даша, жить не хочется и я давно бы покончил с собой, да (решительно подходят к Даще) вот ты одна, как путеводная звезда, как ангел-хранитель; мысль одна о тебе удерживает меня, и я для тебя, только для тебя одной и живу. Взгляд твой один пробуждает во мне силу и энергию... Твоя улыбка дает мне счастье и покой, и манит к новой, лучшей жизни, понимаешь? Ведь я тебя люблю всем сердцем, всей душой (горячо целует). Милая!.. (Пауза. За сценой в это время слышен голос Прасковьи). Лысена, Лысенушка.. Ну, пошла, дура. (Входит).

Крутцовский (не замечая).

Мне только и легко, когда ты со мной...

Прасковья (с иронией).

Эй ты, барышня!..

(Крутцовский сконфузенный быстро отходит).

Крутцовский.

Я... На минутку, освежиться выйду. (Уходит).

Прасковья.

Павел Николаич, Павел Николаич, куда вы?..

Даша.

Ушел!..

Прасковья.

Чай не махонька, не учительша какая-нибудь с книжкой-то сидеть! (Переменив тон). Овцыто у тебя все дома?

Даша.

Начинается!.. Мне вот читать хочется, больше знать, а ты...

Прасковья (перебивая).

Вон он што!.. Это давно ли ты эдакая-то стала?

Даша.

Давно.

Прасковья.

Нет, врешь, не давно, а вот, как только стал ходить да с тобой шуры-муры разводить вот этот (показывая на дверь) гольтена, так ты и тово... Из рук стала выбиваться, вот што!

Даша (смотрит в окно, через которое доносятся песни и гармоника. Задумчиво).

А какой вечер хороший!..

Прасковья (быстро подходит к Даще и грозя в упор пальцем).

Смотри, девка, знай край, да не падай!..

Даша.

Знаю, знаю. (Уходит в дверь прямо).

Прасковья (одна).

Вот-те и на!.. Вот какие почки-то стали; расти их, воспитывать, а они, куда-то, и слушать-то не хотят, вильнут хвостом и пошли... Э-э-эх-ма, времячко, времячко, как ты изменилось, рази нас так держали? (Пауза. Прибирал комнату). Митрий вот что-то долго не едет. (За сценой голос Шики). Михаловна, а Михаловна! (Входит выпивши).

Шика.

Это я... Загулял маленько, Михаловна, елка-палка...

Прасковья.

Ну, ничего, дядя Иван, пройдет.

Шика.

Все пройдет, елка-палка, перемелется—мука будет; мне и старшина раз сказал: «спей, Шика, чужого не жалей, а ума не пропиши», вот я и пропускаю (щелкнув пальцем по горлу) помаленьку... Елка-палка... Да что не пить-то, Михаловна? Начальство пьет и мне тут попадает...

Прасковья (тайно).

Рази кто приехал?

Шика.

Елка-палка, как же?! Сам земский начальник... Эх, елка палка, теперь там шир горой идет, урядник значит, старшина, вин всяких привезли, так это страсть, елка-палка... Его благородие веселый такой... «Ты, говорит, шельма Шика, молодец, так и делай, не зевай, пока я жив», елка-палка, даже по плечу меня похлояла, сий Богу, право не вру...

Прасковья.

Давно служишь, вот начальство и любит.

Шика.

Не в том дело, Михаловна...

Прасковья.

А почему же?

Шика.

А потому, что (оглядываясь) я все тридцать три поверки знаю... елка-палка; вот, к примеру сказать, идет суд, волостной, или земский судит, мигнет мне, десять-дело знай, я и работаю... (Стук за дверью).

Шика.

Елка-палка, не за мной ли? (Стук продолжается).

Прасковья.

Хто там?..

(Входят: Даша и Крутцовский, входя разговаривают; в это время Шика незаметно уходит).

Даша.

Вот я и говорю: почему же это жизнь не для всех одинакова?

Крутцовский.

Да потому, Даша, что люди не одинаковы, а потом... Впрочем, есть еще что-то; хотя это кто как понимает...

Даша.

А что такое?

Крутцовский (вздохнув).

Это есть счастье,
Оно, как легкое созданье,
Никак на месте не сидит:
Того погладит по головке,
Иного вмиг обогатит...

(Вваливается пьяный Шика).

Крутцовский (в сторону).

Вот еще, возьмите его!

Шика.

Пал Николаич!.. Елка-палка... Что такое кон... конституция?.. Всяких слов благородных, мудреных от начальства приезжего слышал, ну, а такого отродясь не слыхивал...

Крутцовский.

Гм... Где это ты слышал?

Шика.

Нет, вы мне скажите: что это такое, местность что ли какая, или материа заморская...

Крутцовский (смеясь).

Нет, дядя Иван, не местность и не материа заморская, а... Да все равно ты не поймешь...

(Входит Анна).

Анна.

Мой пьяница не был?

Прасковья.

Нет, Ивановна, не был...

Шика.

Елка-палка, а я знаю, где он!

Анна (плаково).

Всю душу вымотал, окаянный, все жилы мои вытянул, глот несчастный, всю силушку свою потратила; молодость загубил мою, иссушил всю!..

Даша (в сторону).

Понесла теперь....

(Прасковья уходит в дверь направо).

Анна.

Эх, жисть, жисть (уходя). Пойти...

Маша (выглянув из двери спальни).

Митрич не приехал? (Убедившись, скрывается).

Митрич (быстро вбегает растрепанный и выпивши).

Братцы!.. Люди добрые... Спасите! Пал Николаич?.. В газетах пропечатайте, книжку сочините!..

Крутцовский.

Что такое?

Даша.

Что случилось?

Шика.

Как это ты?

Митрич (взволнованно).

После, дайте мне только горло промочить, одну рюмочку!.. Даша, красавица, поищи там, нет ли где? Потом я все расскажу...

Даша (ходит и сейчас же возвращается с рюмкой водки).

На, Митрич, выпей...

Митрич (осушив рюмку).

Вот спасибо... А им (потрясая кулаком.. Шика в это время незаметно уходит) кровопийцам окаянным, ни дна ни покрышки, лопнуть бы дармоедам несчастным!..

Крутцовский.

Да что такое?..

Митрич (не обращая внимания).

Лопнут когда-нибудь пузато с наших кровных мужицких копеек; не может быть! Когда-нибудь да придет и им конец!..

Крутцовский.

Митрич? Да скажи же толком, наконец, что случилось?

Митрич.

Да как же, Пал Николаич, обида кровная... Я старался, подати сбирали все до копеечки, мужики последние троши отдавали, последние зинушишки заложили и продали, а все-таки платили, если; отца родного не пожалел, последнюю коровенку с двора свел... А для чего, зачем? Чтобы им угодить окаянным.

Крутцовский.

Произвол и несправедливость везде.

Митрич.

Земский чуть не до смерти запорол, а за что?

Крутцовский.

Да ведь телесное наказание отменено.

Митрич.

Отменено а нашего брата лупят.

Даша.

Жаловаться надо.

Крутцовский.

Тогда еще больше попадет.

Митрич.

...Призвали это меня, значит, в «волость», являюсь, земский и говорит: «Ну, староста, оброк весь собрал?» «Никак-с нет, вишкородие». Он как тощет на меня: «Как нет, мерзавец? В тюрьме стною, скотину, чтоб чрез час был собран, слышши?»

Крутцовский.

Неужто так и сказал?

Митрич.

На месте умереть, право, так и сказал. Ну вот, пошел я это, значит, живо собрал сход, так и так, мол, говорю старикам, требую и честью прошу, угрожаю арестом, а мужики говорят: «Креста на тебе нет что ли? Ободрать нас хочешь, сам знаешь, урожай плохой, способья не выдают, итак уж пополам с макиной хлеб-то едим, а ты еще тут оброк тянешь!..

Крутцовский.

Ну и что же, после схода ты опять пошел к земскому начальнику?

Митрич.

Да-а... Прихожу и прямо бух в ноги земскому, а он и смотреть не хочет, разливают, да выпивают себе (с наслаждением), а вин-то всяких на столе!.. А потом обернулся ко мне и говорит: «Ну что, староста, оброк принес?» «Не собрал, говорю, вишкородие». Он как вскочит: «Как так не собрал, негодяй! Запорю, ведь я тебе приказал!»—«Мужики, говорю, выбились, есть нечего, пожалейте...»—«Мне хоть с голода оклевайте; я знать ничего не хочу, а оброк подай сюда!».

Крутцовский (кача головой).

Ай-ай-ай, издевательство какое!

Митрич.

Потом взял меня за рукав и говорит: «Ну если не собрал оброк, то прокричи семь раз петухом и пять раз перекуыркинь, а иначе розги». Я было пробовал исполнить, да не сумел. Он крикнул рассыльных и вот, братцы мои, как начали взваривать Митрича, инда искры из глаз полетели.

Даша.

Господи, какое безобразие!..

Митрич.

Эх, жисть, жисть! Кабы не жена и дети, удавился бы теперь сам или бы их передавил, как мух поганых. (Сжимает кулаки).

Крутцовский.

Надо, Митрич, подождать немного, может быть и мы должны до хорошего времени. Жизнь идет вперед громадными шагами, и знай, что пройдут немногие годы и вся жизнь переменится, все будет по новому...

Митрич (нерешительно).

Так-то так, Пал Николаич, да, пожалуй, долго придется ждать.

Крутцовский (вдохновенно).

Как ночь ни длинна, как ни темна, а утро будет: свежее, румяное, радостное утро!

Митрич (почесывая затылок).

Это, положим, верно... Да...

Крутцовский (перебивая).

Да что?

Митрич.

Не для нашего брата.

Крутцовский.

А для кого же?

Митрич.

Известно, для богатых, да ученых.

Крутцовский.

Гм... Ты чудак, Митрич, уж, если начнется день, то восходит солнце и светит для всех одинаково: бедных и богатых, ученых и не ученых... Т. е. придет такое время, что все будем равны... Понимаешь?

Митрич.

Нет; что-то не понимаю.

Крутцовский.

А вот потому ты и не понимаешь, что не развит... Если бы у нас в России поменьше кабаков, а школ побольше было, тогда бы и ты стал понимать и, пожалуй, не стал бы и в кабак бегать... Но придет время, в каждом захолустье, в каждой деревушке будут школы, просветительные кружки, а где много просветительных организаций и школ, там и умных людей больше, а где ум, там—свет и счастье. (*Задумчиво ходит*). Да, Митрич! Как солнце восходя, поднимается все выше и выше, так и человечество со временем развивается и совершенствуется... Э, да (махнув рукой) впрочем, все равно ты не понимаешь.

Митрич.

Я только одно понимаю, что сами-то живем не так, как бы следовало...

Крутцовский.

То есть как?

Митрич.

Да так, понимаешь, вот чего-то не хватает в жизни.

Анна (*входя*).

Вот он где, окаймленный, налопался, нализался налетный бы тебя росшиб, налил бесстыжую рожу.

(*Бесцеремонно хватает его и хочет вытолкнуть*).

Иди домой, мучитель, иди, глот несчастный!..

Митрич (*вырываясь*).

Да погоди, мол, дура взбалмошная; дай поговорить-то с хорошим человеком.

Анна.

Знать ничего не хочу убирая и больше ничего... Всю душу вымотал пьяница, лежебок проклятый... Пашня не пахана осталась, оброк не собран, пряди не горожены—все валится, гниет, а он на те вот! Нынче пьян, завтра пьян, у-у-у!! (*хочет вцепиться в его волосы*).

Митрич.

Ну, ну, а то вот он! (*Показывая кулак*).

Анна.

Кровопиец; женили тоже дурака, время проводили...

Митрич.

Не пойду и не могу, понимаешь? Досиживать мне нужно.

Анна.

Досиживать? За что?

Митрич.

За что почтешь; земский посадил...

Анна.

Вот-те и па! (*Плачет*).Крутцовский (*подходит к Анне*).

Ты вот что, Аннушка, поди-ка домой, голубушка, а то дети могут наплакаться или испугаться.

Даша.

И ты, Митрич, уходи тоже в свой клоповник, а то узнают еще хуже будет.

Митрич.

Меня Шика за шкалик отпустил.

Крутцовский.

А Шика еще больше попадет.

Митрич.

Ну, прощайте... (*К жене*). Пойдем, моя кралечка. (*Оба уходят*).

Шика (*врывается*).

Пап Николанч?!

Крутцовский.

Вот еще... Новое явление, Мартыш с балалайкой.

Шика.

Елка-палка; Паша, Прасковья Михаловна, дай мерзавчика...

Прасковья (*делая вид, что не понимает*).

Кто мерзавец? Выдумал тоже!..

Шика.

Елка-палка, мерзавчика, понимаешь? Маленьского, вроде меня; ведь я тоже маленький, а есть большие мерзавцы...

Даша (*хлопая в ладоши*).

Браво, браво!..

Шика.

Елка-палка... Есть, ох какие большие мерзавцы... Всяк по-своему мерзавец... А выжить смерть, как хочется (*поет*): «Эх что ты, Ма-аша, приуни-ыла...»

Крутцовский.

Вот так мерзавчик!

Шика.

Паша, елка-палка, дай хоть раз в жизни попалую...

Прасковья.

Тыфу, тыфу, старый чорт, чирий бы тебе на язык сел, как не стыдно?!?

Шика.

Ну, ну, что уж то больно обиделась, елка-палка, так и нельзя уж пошутить!..

Прасковья.

То-то, шутить-то шути, да знай как, а то вон дверь-то...
(Часы бьют одиннадцать, за сценой слышны шаги, входит Латышев с покупками).

Шика.

А! Елка-палка, Митрий Егорыч, с приездом!..

Латышев.

Спасибо, дядя Иван, спасибо.

Шика.

Вот, сичас глядишь рюмашка и попадет, елка-палка, верно ведь, а?

Маша (*выходя из двери спальни*).

Што ты, Митя, больно долго не приезжал? Ведь двенадцатый час пошел.

Латышев.

Да так... Дела все были...

Прасковья.

Дашутка, ставь самовар, живо!

Даша.

Сию минуту...

Латышев (*подавая сверток Даше*).

Это вот тебе, Даша.

Даша.

Спасибо. (*Уходит*).Латышев (*отдавая газету*).

А это вот вам, Павел Николаевич!

Крутцовский (*развертывая газету*).

Почитаем... Ну, а что в городе нового?

Латышев.

Э, брат, в городе жизнь ключем бьет, там не дремлют, работают во всю... Собираются смешанные комиссии, обсуждаются вопросы о нормировке рабочего времени, организуют новые союзы, у всех какое-то бодрое настроение; люди действительно накануне чего-то нового, лучшего... Вы почитайте газеты; везде, во всех уголках начинается движение, чувствуется, что и над усталой Россией наконец-то заблестит желанная заря!
(В это время Шика незаметно уходит).

Крутцовский (*подумав*).

Да, я тоже верю... Но только до глубины то России это не скоро докатится. У нас еще долго будут царить непроглядная тьма, произвол и насилие...

Да, кстати, вы заходили в управу относительно жалованья?..

Латышев.

Заходил...

Крутцовский.

Ну и что же сказали, по крайней мере?

Латышев.

Денег говорят нет.

Крутцовский.

Ну, вот, как же тут жить-то? С голода умирать, или пулью в лоб? Третий месяц жалованья не получаю. Это ужасно! Я должен: за квартиру вам, в городе, мать больная просит. Необходимые вещи продал, даже гитару и ту закабалил. Я понимаю, почему человек иногда становится зверем: невыносимые условия жизни гнут в барабан ноги.
(Прасковья накрывает стол и ставит чайную посуду).

Прасковья.

Давайте-ка чай пить,

Даша (*несет самовар*).

Вот и готов!.. (*Разливает*). Ай-ай-ай обожглась!.. Ну, пожалуйте, садитесь...

(Крутцовский, Латышев, Маша, Даша и Прасковья пьют чай, за сценой слышны шаги, стук, пьяные голоса и гармоника, вваливаются Ажорский, Мотыльков Экзекуторов и Гришка с гармоникой. Экзекуторов садится и засыпает).

Ажорский (поет).

«И парь познанья и сво-бо-ды... Не так, не так говорю тебе, мерзавец, слышишь? А то морду набью!.. (Гришка прервал игру). Ну, чего смотришь, как баран в аптеку?.. Играй! Гришка.

Да я лучше-то не умею, башкородие.
Ажорский.

Не разговаривай!!

(Чаепитие прерывается. Даша, Маша и Прасковья поспешно уходят направо, вошедшие садятся).

Мотыльков (поет).

«Нич-во мне на све-те не надо, только ви-идеть»... Эх-ма, Митрий, загуляли!

Ажорский.

В гости к тебе пришли, Латышев, понимаешь?

Латышев (сердито).

Нечего тут понимать-то!

Мотыльков.

Это с женой так-то можешь говорить, а не с начальством!

Ажорский.

И охота тебе, старшина, со всякой мелочью разговаривать?..

Крутцовский (доволито).

Конечно, мы мелочь, ничтожные людочки, а вот вы все,— начальники ваши, большие, огромные люди. Вся «мелочь» ничтожная, обездоленная, работает на вас,— для вашего благосостояния, а она вас поит и кормит и дает возможность беспечно жить... Эта мелочь работает день и ночь, проливая кровавый пот, не зная отдыха и все-таки у нее нет ничего, жить нечем!..

Ажорский (топает).

Молчать, гадина!..

Крутцовский.

Пора молчать прошла, господин земский... Довольно молчать, мы долго молчали, а теперь пришло время говорить и будем говорить правду громко, свободно...

Мотыльков (иронически).

Ай-да господин учитель, как он разгулялся... Не угодно ли со мной тряпка сплясать?

Крутцовский (отворачивается).

Пляшите, наслаждайтесь...

Ажорский (Гришке).

Играй веселей, все равно до рассвета прокутим и никто не посмеет запретить!

Мотыльков (надев форменную фуражку Ажорского).

Вашеско-р-родие, ну что, похожая на земского начальника, а?

Ажорский.

Похож, похож; ведь ты у меня молодец!..

Экзекутов (очнувшись).

Ваше благородие?

Ажорский.

Ха-ха, проснулся?

Экзекутов.

Все-таки у нас чего-то не хватает.

Мотыльков (ухвативший за мысль).

Верно; я тоже догадался.

Латышев (в сторону).

Еще чего выдумали?

Экзекутов.

Жевиции нет... Зачем они отсюда ушли?

(Крутцовский во время всей этой сцены нервничает, то читает газету, то бросает и т. д.).

Ажорский.

Вот это браво!.. Латышев! (Латышев делает вид, что не слышит). Эй ты, сиделец! Давай сюда баб: жену, свояченицу и так далее, более... Слышишь?

Латышев.

Здесь им не место, они не должны присутствовать при пьяной компании.

Ажорский.

А если я так хочу, понимаешь?

Латышев.

Мало ли чего вы захотите.

Ажорский.

Не разговаривай... Я и сам могу пойти.

(Пошатываясь идет к двери. Стучит).

Крутцовский (возмущенно).

Какое нахальство!..

Ажорский.

Эй вы, милые дамы, выходите-ка сюда!

Латышев.

Ведь там дети спят, испугаться может!

Ажорский.

Не испугаются, не из благородных.

(Из спальни выходят Маша и Даша, которые проходят прямо к Крутцовскому).

Маша.

Здравствуйте!

Ажорский.

Здравствуйте, мое почтение. (Здоровается за руку).

Экзекутов.

Вот давно бы так.

Ажорский.

Ну-с, Латышев, теперь давай водки.

Латышев.

Лавка заперта, да и поздно, а следовательно и продать не могу.

Ажорский.

Да не продать я у тебя прошу, а угостить ты должен!

Латышев (поднимая плечами).

Понимаю (Уходит направо и сейчас же возвращается с бутылками и рюмками. В это время Ажорский хочет обнять Машу, которая с силой вырывается). Маша, присели-ше-графин (Маша уходит и сейчас же возвращается с графином).

Маша (ставя на стол графин).

Извольте.

Латышев.

Угощайтесь.

Ажорский.

Итак, значит, будем угощаться сами. Можно?

Латышев.

Чего еще спрашивать! В квартиру ввалились, не спрашивали, а теперь спрашиваете... Пойдем, Маша, нам делать здесь нечего.

(Хочет уходить).

Ажорский (хватив за руку).

Те-те-те, не сметь; Экзекутов, займись-ка, брат.

Экзекутов (наполняя рюмки).

Готово.

Ажорский (берет в обе руки наполненные рюмки и подходит к Даше). Ну-с, прелестная сарышина, давайте со мной выпьем.

Даша (смущенно).

Я не пью.

Ажорский.

Неправда, хотя и не пьете, а со мной должны выпить. (Насильно отдавая рюмку). Ну, ву, не ломайся.

Даша (невольно решается выпить, в это мгновение Ажорский неожиданно целует ее). Ах! (Разбивает рюмку). Нахал, бессовестный. (Плача бросается к Крутцовскому).

Мотыльков.

Ха-ха-ха!.. Ловко!..

Крутцовский (загораживающий Дашу).

Не смейте! Иначе, я не ручаюсь за себя...

Ажорский (не обращая внимания, Гришке).

Ну-ка плясовую, старшина! Русского...

Мотыльков (пьяный пляшет).

«Эх вы ланти мои, лапоточки мои, что вы износили меня не спросилися»..

(В это время Ажорский тащит Дашу плясать, та не идет).

Ажорский.

Не хочешь, так насильно заставим (пускается в пляс).

Мотыльков.

У-ух, инда взопрел.

Латышев.

Господа, Бога ради, я вас прошу...

Экзекутов (прерывая).

Выпить или сплясать?

Латышев.

Наконец умоляю; оставьте час в покое, дети путаются..

Мотыльков.

Вы еще должны гордиться этим, что мы пришли к тебе,

Ажорский.

Они еще должно быть не были в ежовых рукавицах...

Крутцовский (с сарказмом).

Уж не вы ли это ежевые-то рукавицы? Так ошибаетесь.. Прощло это время.

Ажорский.

Где и прошло, а здесь не прошло...

(Садится рядом с Дашей, старается обнять, потом неожиданно целует).

Крутцовский (возмущенный, бледный и дрожа от досады хватает первую попавшуюся бутылку и бросает на пол). Вон отсюда!..

Даша (плача).

Нахал.. Бесстыжий!..

Крутцовский.

Что замерзость!? Где у васстыд и совесть?.. Нет их? Пропали все... Тираны проклятые.. Ввались среди ночи в квартиру семейного человека, бесчинствовать. Звери кровожадные!.. Не забывайтесь...

Ажорский.

Вяжите, арестуйте его!

(Все встают. Общее смятение).

Крутцовский (выхватывая из кармана револьвер).

Поизбуйте, господин земский.

Ажорский.

Во-первых, я вам не «господин земский», а-а...

Крутцовский.

Да-с теперь вы и этого не достойны, в настоящее время, вы не земский начальник, а прошалыга...

Ажорский.

Как?!.. Я.. Почетный, потомственный дворянин...

Латышев.

Дворянин и притом низкий, пошлый волокита; обиратель!

Ажорский.

Молчать!.. Всех арестую.

Крутцовский (револьвером в руке).

Арестуйте, если можете, но молчать не будем, господин «дворянин», много лет молчали, да прошло время, переполнилась чаша терпенья, и что хотите делайте, сажайте, арестуйте, душите, издавайтесь, а мы все-таки молчать не будем... Говорить будем смело и открыто всем и каждому, одну чистую, настоящую правду!..

Ажорский (топая).

Молчать, подлец!..

Крутцовский.

Подлец-то не я, а...

Даша (умоляюще). Павел Николаич?!

Крутцовский (Ажорскому).

А вы... вы!

Экзекуторов (Все в продолжение всей сцены порывают схватить Крутцовского).

Ваше бла-го-родие, скрутить его?..

Крутцовский.

Ты, предатель, молчи... Ваше дело очищать...

Мотыльков.

Ваше бла-го-родие!..

Крутцовский.

По вашей милости голодают целые деревни... Вся страна... Губите, топчете грязными ногами лучшие силы, лучших людей. Все вы злосчастные, жалкие творения, вредные микробы, раз'едающие чужие жизни! Вечное проклятье вам!..

Ажорский (взвешенный).

Старшина! Урядник, берите его! (Мотыльков и Экзекуторы порывают схватить, но видя револьвер у Крутцового, отступают). В город, сейчас же, ссыпите? Живо!

(Гришка, разиня рот смотрит на происходящее).

Даша (плача).

Уйдите... Уйдите от нас, оставьте нас! (Прижимаясь к Крутцовскому). Не отдам, не отдам я вам его... Уйдите!..

Мотыльков (насмешливо).

Што, красавица, жалко парня-то?

Ажорский.

Н-ет-ет, голубушка!..

Даша (рыдала).

По-о-жалуйте..

Ажорский.

А если тебе жалко его, то и про тебя места хватит.

Крутцовский (склонив голову на плечо Даше. Даша рыдает).

Даша, милая, пе плачь... Ну что ж поделаешь? Это участь многих... Надо бороться, надо всячески выбиваться из этих когтей, из этого ужасного положения...

Ажорский.

Берите его, нечего с ним церемониться-то.

(Мотыльков и Экзекуторы стараются схватить Крутцового).

Крутцовский (гордо бросая револьвер).

Ну, что же, берите, вяжите, везите куда хотите...

Даша.

Нет... Уйдите, пе дам я вам его; не пущу...

Ажорский.

Вяжите обоих, веселее будет...

Прасковья (бегает).

Вашескородие, пожалейте, чай они пе воры, пе душегубы.

Экзекутор (отталкивая Прасковью).

Уходи, старуха.

Крутцовский.

Быть может замучаете, повесите, пе знайте и помните, что идею братства и свободы, страдалицу правду убить вы не можете, пе в состоянии, это вне ваших сил и ума, она будет жива и будет жить всегда и после нас... Громко и открыто будем кричать и обличать вас, кровопийцы народные...

Ажорский (дрожа от бешенства и злости).

Мо-о-олчать! Гадина!

Крутцовский.

Довольно; целые века держали нас в тисках, а теперь будем говорить, кричать вам, вампиры ненасытные, и знайте, океан и тот имеет берега, так горю и терпению народному будет же конец! Подрастет молодое поколение, что оно скажет? Какой ответ дадите ему?.. Я спокойно, даже радостно и гордо иду на тот позорный эшафот, на котором погибли мои братья; но я надеюсь, что пройдет какой-нибудь десяток лет и свергнут этот произвол, и тогда настанет новая жизнь...

Ажорский (делает знак Мотылькову и Экзекутору, пе грубо выталкивают Дашу и Крутцовского). После поговорим.

Прасковья (бросается вслед Даше и Крутцовскому).

Дашенька!.. Пал Николапч!

Занавес.

Конец.

Красноармеец Лапин.

Выдержим.

Полдень. На улице душно. У двора, весело чиркая, прыгают воробы и лениво, потягиваясь пыхтят свинья, закопавшись наполовину в землю; возле, расставив ноги циркулем, стоит Гавриил Михайлович, склонив голову, кашляет и плюет. Ему не весело, что-то грызет, что-то не дает быть спокойным, перебирая грязной рукой ус, пожимает плечом. Рыжее, кругловатое лицо сморщивается, зубы скрипят, глаза, устремленные в даль, мечут огонь.—«Доберемся! Немного харохорятся! Ишь, выкамаривают—того будет. Все турманом полетят. Колчак... незам и Колчак... хоть сатана будь—всем шарика будет».—Он ворчит, поправляя рубашку самотканку, выскочившую из-под пояса.—Все поистаскалось—оборвался! Но... незам—не век, натралят—все будет».—Он добавляет и смотрит на заплатанную штанину.

Ему с виду около пятидесяти лет, хотя он гораздо моложе: только-что сороковой стукнул. Всегда и везде пятерню он держал сжатой в кулак, вся его фигура наводила на мысль: «вот-вот, развернется и дербанет затрещину». Потому он слыл на селе за «отчаянного», «озорника», «забияку» и «большака», но он не был отчаянным, не был озорником и большевиком, только крепко стоял за большевиков.

Всю жизнь он с семьей колотился в нужде; из грязи и рванки не выходил, ковыряясь на работах день и ночь. Жизнь не улучшалась.—«Из пальца не выстрелишь копейку»—товаривал он. Частенько доходило до того, что двух малых детишек не мог обуть, одеть и накормить—они голые, грязные, крича: «хлеба, хлеба», ползали по полу, как раки, на карачках в тесной и мрачной избе. Хлеб не давался. Все это видел Гавриил Михайлович; сердце его сжалось от боли и обливалось злобой; бранил всех господ, себя и всю свою горемычную жизнь. Он часто говорил: «Все канделябрин прошел, везде побывал, везде работал, как машина и везде хомут! Коровенку не купишь, работай хоть тресни и не наработаешь. Штаны не направишь... Куренка не заведешь. До слободы—эфто бы так... на путь натрали бы».— При этом он тяжело вздыхал и плевал в сторону.

Он ожидал революции—она явилась. Широко вздохнув, приободрившись, он зажил на свободе. Скоро на дворе коровенка появилась, а потом и лошадь, как из земли вылезла.—«Вот эфта жизни, а то... жисть не жисть,—срам! В коммуню бы—вот и вольгота бы!—так стал поговоривать.

Он у двора; подходит сосед, высокий, плечистый, с улыбкой на розовых щеках, в сапогах, в чистенькой, серой рубашке—вымыт, выхолен, с окладистой бородкой,—это торговец Степан Петрович. Он встает напротив и лукаво, бегающими глазами, окидывает Гавриила Михайловича.

— О чем мекаешь, голова—про фрунт?—Не найдя на лице ни одной черты внимания умолкает.

Молчат. Гавриил Михайлович как бы просыпается, тяжело вздыхает и не торопясь, часто, делая большие паузы, забывши все тягости и злобу, начинает:

— Степан Петрович, слышал я недобро калякают... будто бы опять лиценеры*) заерохорились. Будто бы опять супротив большаков орудуют? Меня, Степан Петрович, сумление берет в ефтом. Как супротив большаков? Парфен Фролов калякал, что лиценеры тоже народ лиценерный и вдруг—трах-бах—супротив большаков. Никак не раскумекаю—как ефто так? Грамотки, главное дело, нашему брату не давали—ну, вот, оно значит, и затмение. Так. Вот в чем закоурка: большаки—лиценеры... за нас, значит, за бедноту и лиценеры—лиценеры... за ково? Вот тут-то и есть канделябрин. По моему мнению, ежели, примерно, так сказать к слову, кто бы они не были лиценеры—лиценерные или хоть чорт будь за них лиценерный, а ежели нарыхтаются супротив большаков, следовало бы им нарвать башки, сделать нахлобучку и такую нахлобучку, чтобы помнили и другим заказывали не связываться с большаками. Большая, Степан Петрович, к добру ведут—за пас, значит, а ефто-то хоть как угодно назовись: лиценерами или еще как... по науке ихней, я не разбираюсь,—потому что тут в ефтом, но цутром чую—не за нас. Я мекаю, что большаки не сдрефят, наклеят в зашей-

пу. И поделом, Степан Петрович, поделом, чтоб не смущали,—смутьяны. Там бунтят и тут бунтят, вверху подмывают и внизу подмывают,—все, значит, поджигают нашего брата—темноту несусразную. Там чеки, там Колчак наехался, там пузачи, а там присусендился пискулянт, а там и лиценер лиценерный. Вся мразь, значит, егозится... Самая, значит, от'явленная. Живьем хотят сложить. Так, Степан Петрович?—Он кашляет и плюет.

Наступает краткое молчание—переглядываются. Глаза Гавриила Михайловича начинают сильней гореть, язык ясней выбивает мысли.

— Вот, Степан Петрович, и подумай. Народ надорван, измучан, а они подмывают к бунтам... гадят, значит. Я, вот, и кумекаю, что за ефти дела можно им трешку дать. И надают. Доведут—выведут из терпенья... мужик—медведь, могут, уж как пойдет чесать, пойдет и не остановится: всех перекрошит. Большаки по законам, а наш брат мужик за хороший закон встанет. У мужика—кулак, набарабанит щеку, распишет под орех и незам. Подушит, как мышат, и незам. Подумай, Степан Петрович, из-за них нашево брата бедноту бьют—сколь убито, искалечено—тьма, а ихнего брата, пузанов за такие штуки со света гнать. Я слышал, калякают: француз и гличанку под'илькивают на нас. Вот за ефто-то, Степан Петрович, их всех кровопивцев передавить бы, как лягушек. Эх, на мои руки бы—всех в баражий рог согнули бы! Так, Степан Петрович?

— Да, так!—нехотя произнес Степан Петрович,—взглянув на кулачек Гавриила Михайловича, а в голове проскальзывают мысли: «Юркий, каналья; озорной, сказал бы словечко—немил, пристанет и не отвяжешься. Зенки отчаянные, лютущие».—Подумав и не сказав, вздыхает и тихо почти шепотом говорит.—«Так, Гаврила Михайльч, так... везде несусразия. По душам, значит, я тее, а ты мие. Так. Намедни Парфен Фролов про Петроград байл. Ужась, что отмачивают».

— Ты только слушай Парфена: он напрет—врать горазд. Ну, так.

— Ты вот, калякал про люценеров—так. Вот эти люценеры там штуку супротив большаков чуть не отпаяли. Люценеры тоже народ люценерный—хороший народ!

Гавриил Михайлович морщится, в сторону.

— Да, хорошо... палкой бы по шеям. Супротив большаков идут—не хороши. Загибаешь в сторону.

— Ну, вот так, Гаврила Михайльч. Люценеры в городе, а большаки за городом. Большая, Степан Петрович, супротив, сказывал, каких-то уже сильно мудреных людей—трудно и сказать-то, а люценеры хотели в сину большакам. Ну, и раскатили бы,—страсть! Не удалось, большаки заметили—ну, значит, и давай охаживать и давай... Много оружья отобрали, многих засадили.

— Их не сажать, а бить анафемов, чтоб не содомились. Эх-меня туда на усмиренье бы—дал бы перцу!—Плюет мотая кулаком—Эх!

— Ну, так. Вот я и мекаю: везде гличанка и француз с американцем нарыхтаются большаков... помогают люценерам, а люценеры из богатых. Пожалуй, Гаврила Михайльч, большаки сдрефят, напрасно фордыбачутся, кровь льют... сдаться бы надо. Кругом, ведь, богачи. Ну, рази, мыслимо супротив капитолов выдержать.

— Выдержим.

— Ну, так. Колчак в Сибири, войск—тьма, счету нету, а войска благородные, отборные, один хлеще другова. И гличанка на воде—водой идет и француз... по воздуху летят, в облаках, а японец с сушки,—все, значит, за нево.

— Ну, и незам что за нево летать. Полетят, полетят и слетят... плещнется—в лепешку...

— Порядок хороший уставил. Здесь за бедных, а в Сибири не так:—кто как может. Здесь выслушают, покумекают, вольготу дадут, а там не кумекают—зададут трезон, чтобы плясал,—вот, значит, в голову и вобьется; гляднешь—остепенится, начальства станет слушаться.

Замолкают на малое время. Гавриил Михайлович, как ужалиенный, не мог более слушать Степана Петровича—отворачивается, размахивая руками, плюет:

*) «Лиценеры—социалисты-революционеры».

— Степан Петрович, я вижу: халабродную несешь! «Порядок хороший»—какой хороший—арестантский! Хоша ты и шабер мне, век с тобой мирно жили, но не обессудь, всю правду скажу: глупость несещь... к степе не приставишь. Ну, что начальство? Начальство лушило нас не судом, а ты оять лушить. Непутевый... кулак, барышник ты, жалко крошку,—эх, отродье! И Колчак—такой же хам, как и ты—хуже! Понадется в руки, не сорвется. Не думай—всех в дугу согнем. Гличанка за них—незам, всем намылим шею. А речи такие не каликай—вредные они, оскомину за них можно тово... расхлестать...

Расходятся, Степан Петрович понурив голову, не зная, как уйти, тихо, закусив губы, идет к себе в дом. В голове вертятся мысли: «Черт ногоразил болтнуть... Отчаянный—законопатит...» Весь день он был, как ошеломленный—готов был идти к Гавриилу Михайловичу просить прощения и бранить Колчака. «Пес поец. Не было бы кутерьмы... молчал бы. Все Колчак». Он бранил Колчака. Гавриил Михайлович, полный возмущения, быстро прошел к себе в дом, остановившись, громко промолвил: «С собаками жить, по-собачьи выть»—удалился.

Ф. Мигиц (коммунист).

В пленау казаков.

(РАССКАЗ).

Наступали сумерки. Служебный поезд подходил к станции Н. Наведя справки у коменданта о расположении штаба Н дивизии, расспросив дорогу, я двинулся в путь.

Было пасмурно, густой туман застилал дорогу, уходящую в гору, к месту расположения штаба.

Попутчиков не было. Поправляя временами ранец, я медленно поднялся вперед.

В первой встречной деревне сказали, что штаб дивизии расположена поблизости. Спустя полчаса, усталый и голодный, я пришел туда.

Утром я явился к начальнику штаба; он был занят больше, чем накануне, однако мне удалось добиться назначения и, получив документы, я отправился в штаб бригады.

Вечером пришел на станцию П.; здесь в бронированном поезде помещался штаб бригады. В вагоне, окруженные телефонами, сидели командир бригады и политком.

Часов в семь утра ординарец доложил, что со стороны деревни З. наступают казаки. Бригадный стал принимать меры для встречи казаков, но ввиду того, что у нас сил было мало, пришлось просить подкрепления в штабе дивизии. Оказалось, что штаб дивизии снялся с своего места и оттуда уже наступала казачья цепь.

Для того, чтобы продвинуться и соединиться с главными силами, нам предстояло идти на прорыв. Оставшиеся части отходили от станции Н. Путь впереди был испорчен.

Прошло с полчаса. Наш поезд стала обстреливать казачья цепь.

Мы вышли из вагонов, тоже рассыпались в цепь и открыли пулеметный огонь. Завязался бой, но так как казаков было несколько полков, а нас всего человек 40, то, разумеется, патиска мы не выдержали, взорвали поезд и, под сильным обстрелом, оставшиеся человек 30, пошли на соединение с отходящими частями.

К вечеру мы подходили к деревне К., где наших было два полка. Здесь было принято решение, прорвать неприятельскую цепь и пройти к своим. Было непроницаемо темно, моросил мелкий дождь, солдаты, предчувствуя грозу, молчаливо шли по пахотному полю, гремя котелками. Вдруг, на горизонте вспыхнуло пламя и вслед за этим с зловещим свистом над нашей цепью полетели снаряды. На минуту произошло замешательство. Затем наши солдаты и артиллерия открыли стрельбу; с обоих сторон заработали пулеметы и безмолвная тишина наполнилась сухим треском. Ежесекундно вспыхивало зарево, со свистом летели снаряды. Люди, как автоматы, с быстротою молнии заряжали ружья и лихорадочно стреляли. Послышались душу раздирающие крики и стоны раненых. Все смешалось. Был только слышен смертоносный гул, с чрезвычайной силой потрясавший землю.

— Вперед!—раздалось по цепи.

Солдаты лавиной двинулись.

— Ура! Ура!—пронеслось в грозном гуле, и вдруг—все замерло. Стало до жуткости тихо.

Потом кто-то крикнул:

— Огонь! Огонь!

Затрещали вновь пулеметы, возобновилась орудийная стрельба.

Казаки дрогнули и побежали назад.

— Вперед!

Но в эту же минуту неприятельская кавалерия набежала с фланга и смила нас.

Когда я очнулся, почувствовал, что половина головы у меня сильно пострадала.

— Деньги давай,—говорил стоявший передо мною казак.

Не успел он отойти, как появилось еще шесть или восемь казаков, которые бесцеремонно начали шарить по карманам и выбирать оттуда все. Я пытался скрыть партийный билет, но не успел. Казак крикнул:

— Руби! Коммунист!..

— Изрубим, еще успеем. Надо в штаб отвести,—сказал другой.

Нас обыскали. Коммунистов нашлось шесть человек.

Под усиленным конвоем, отдельно от других, нас повели в штаб; из штаба послали в тюрьму. Дорогой нас раздели. Отстававших, обессилевших от ран товарищей подгонали стальными прутьями. В тюрьме развели по камарам.

Здесь мы (я и двое товарищ) просидели около двух суток. Ни хлеба, ни воды за все это время не видали. Холод и большое количество крыс не давали спать. Утром на третий день пришли пьяные белогвардейские офицеры и зычно крикнули:

— Кто при большевиках попал—выходи!

Из камер в коридор вышло человек шестьдесят. Наши камеры заперты не были, так как замки были поломаны и поэтому, на риск, мы тоже вышли. Пьяные офицеры, обращаясь к начальнику тюрьмы, спросили:

— А где коммунисты?

Начальник тюрьмы, раскачиваясь из стороны в сторону, сказал, что коммунисты под замками, в надежном месте.

Успокоенные офицеры пересчитали нас, вывели во двор, построили и отправили в штаб.

Там конвойры получили распоряжение вести нас в тыл, в шахты, с другой группой пленных.

На площадь, где были собраны все попавшие в плен, приехал генерал. Он снял фуражку, перекрестился на церковь и сказал:

— Вы—сволочи, негодяи. почему с казаками воюете? Почему вы, мерзавцы, защищаете жидов, которые сидят у вас в советах? Вас за одного казака надо истреблять сотнями.

Потом как-то глупо и неуместно спросил:

— Кто желает записаться к нам добровольцем,—выходи!

Вышли все бывшие офицеры и несколько солдат.

— А коммунисты есть среди вас?.. Выдавайте, а не то всех портить будем!..

— Коммунистов нет! Мы все мобилизованные, мобилизованные!—ревела толпа пленных.

Генерал со скучающим видом посмотрел на добровольцев, пленных приказал вести на работы, и уехал.

Мы под конвоем двинулись в путь а добровольцы с песнями пошли в казармы.

Проходя по полю вчерашнего сражения, я видел еще неубранные трупы убитых товарищ, по сторонам дороги еще валялись винтовки, пулеметы и разное имущество. Вечером мы пришли в одну деревню. Нас выстроили у квартиры коменданта

и часа два мы стояли на морозе в ожидании, когда комендант вернется с охоты. Наконец он приехал, вышел к нам с патайкой, потряс ею в воздухе и крикнул:

— Выдавайте коммунистов!

Толпа опять заревела:

— Мы—мобилизованные...

Комендант приказал казакам заменить свое обмундирование нашим. Набежали казаки, стали снимать с нас шинели, сапоги, а взамен давали какое-то тряпье.

После переодевания развели по квартирам. Комендант обявил жителям, что если они хотят, то пусть дадут нам поесть, а если не хотят, то пусть пленные потерпят до другой деревни.

В квартирах было грязно и тесно, жители к нам относились враждебно—они говорили:

— Вам дали винтовки, одели, обули, чтобы вы защищали власть крестьян и рабочих, а вы в плен бежите... Кто же вам из бедняков даст хлеба и на noctleg примет? Кому вы нужны?

Но в конце концов, все-таки накормили.

Около двух недель шли мы до места назначения, проходя 20—25 верст ежедневно—от коменданта до коменданта, все время под конвоем. Каждый комендант спрашивал:

— Нет ли коммунистов, жидов, китайцев и добровольцев?

Пленные везде кричали:

— Мы мобилизованные...

После чего комендант приказывал своим солдатам «заменить» обмундирование. Таким образом на каждой стоянке нас раздевали и давали все худшие и хулевые тряпки.

Когда мы дошли до места назначения, то были почти раздеты и разуты. Во всех деревнях жители нас кормили и понзи, но всегда упрекали нас за то, что мы сдались в плен. Тяжело было слушать эти упреки...

Одну ночь мне пришлось провести у местного зажиточного крестьянина. Мы разговорились с ним о Советах:

— Советы—самая хорошая власть,—говорил он,—да только, что это за советы, где позанимывались в коммунисты разные буржуи да шарлатаны? Они прежде нас душили да и теперь душат.

— Высыпывать таких надо из Советов,—сказал я.

— Поди, выкинь! Ты слово ему скажешь правильное, а он рыгнет, что ты контр-революционер... И куда это настоящие коммунисты девались, которые были вначале крестьянской революции?

— Они тоже работают.

— Работать-то они может и работают, да только у нас их нет! Напустили к нам какое-то воронье,—думали, они будут по чести работать, а они только и знают, что «ты—контр-революционер, ты—буржуй, молчи, а то расстреляем». Все у нас отбирали и все себе. Ведь это—грабиловка!

— Сначала, как было хорошо,—продолжал крестьянин,—и землю нам дали; и помещиков изничтожили, и жить стало легче, на душе как-то радостно стало. А теперь они чисто сквозь землю пробвались! И нам стало плохо. Народ, ведь, мы—темный, сами сделать ничего не можем, а показать—некому... Так подумашь—подумашь, мы бились, страдали, мучились, а ну как все это погибнет? Кто ответит за наши тягости? Кто нас тогда выручит?

— Обидно за настоящих-то коммунистов. Куда они от нас отходят? Так было хорошо, а тут на!

— Нет, это ты напрасно. Настоящие коммунисты работают и, если бы их не было, все бы пропало.

Но убедить его в этом было трудно. Он махнул рукой в знак того, что больше слушать меня не хочет.

— Далеко здесь до украинской границы?—спросил я.

— Нет, несоблюво... А что?.. Аль бежать к своим надумал? Ты, что—коммунист, что ли?

— Да, коммунист.

— Как же остался жив-то!

Я рассказал ему подробно.

Утром он меня накормил, дал хлеба и три рубля денег. Мы рассстались, как отец с сыном.

К следующей ночи мы пришли к месту назначения, откуда я решил бежать. Я попал в дом бедняка. Он, как и все, упрекал сперва за то, что сдались в плен, но потом, когда разговорились, он начал рассказывать о казаках.

— Как только ушел Совет,—начал он,—пришли казачьи карательные отряды. Членов Совета расстреляли в первый же день. Обложили контрибуцией, взяли хлеб, холст,—это чину,

об'явили мобилизацию, да толко молодежь-то утекла. Приехал помещик, наложил первый раз контрибуцию за свое имущество, которое большевики отдали народу, а потом второй и третий раз, и казаки только посмеиваются. За волов, которые стоили 500—600 руб., помещик драл по 12.000 руб. Попортили мы у него мельницу,—опять контрибуция, и мельница его. Стал сдавать землю по 150 р. за десятину. Вот какие пошли грабежи! А тут еще казаки,—то сюда езжай, то солому вези, то пушки, снаряды, то казаков в отпуск вези, а как с'ездил, или на работу в окопы; коль не послушаешься—запорют. Так уже тяжко жить, так тяжело, что рассказать нельзя! Вот мы и ждем все большевиков, а они сами и в плен бегут. Поэтому-то и серчают так наши мужики на пленных.

— К своим-то думаешь?—спросил он немного погодя.

— Да, думаю.

— Ну, что же, отсюда можно, если не струсишь. Можешь спать, а завтра—видно будет.

— Нет, мы хотим этой ночью бежать,—сказал я.

— Да куда убежишь в такую ночь-то! Слышишь, какая поземка сыпет, в твоей одежде зараз пропадешь, да и дороги-то зачесло, да и места не знаешь.

— Как-нибудь выберемся, нас, трое,—сказал я.

— Не советую,—потому, погибнете.

— Ничего! Ты рассказы лучше, как пройти-то.

— Пройти в такую погоду можно; теперь ни одна собака казачья не вылезет. Подожди, вот улянутся спать, соберешь товарищей, тогда и выведу. Только опасно в такую погоду—пропадете...

Около десяти часов вечера крестьянина вывел нас за окопицу. Мы перешли реку. Он указал нам, какого направления надо держаться и, пожелав нам счастливого пути, ушел домой. Был сильный буран; снежные иглы остро и больно хлестали нас по лицу.

Мы двигались медленно. Впереди ничего не было видно, и мы шли наугад.

Пройдя верст десять, подошли к лесу, остановились, не было силы, рваные костюмы все больше и больше давали знать о холодах.

Снова двинулись в путь. Теперь мы уже окончательно не знали, куда идем. И для нас было все равно, куда идти,—лишь бы только не стоять на месте и не замерзнуть.

Пройдя приблизительно верст двенадцать, остыть остановились. Ветер ревел все с той же силой, подымая сухой снег и разбрасывая его по сторонам. Не было слышно ни дая собаки, ни звона колокола. В обледеневшей, дырявой одежде, с обмороженными лицами, мы шли молча и лишь изредка кто-нибудь издавал глухой стон от страшной усталости и безнадежности оставаться в живых.

Вдруг, впереди показался огонек.

— Ну, теперь мы живем!—проговорил один из товарищей.

— Неизвестно еще, как живем. Если там казаки,—недолго придется жить,—сказал другой.

— Какие там казаки! Неужели мы до сих пор не выбрались из Донецкого,—весь до границы-то было верст восемнадцать,—сказал я.

— Да мы никак и не ушли, вероятно, все время на одном месте путаемся.

Завязался спор. Потом как-то неожиданно поняли на дорогу. Шагах в ста от огня остановились и стали совещаться,—всем ли идти, или одному?

Решили, что одному и отправили меня.

Не успел я постучать в окно, как со всех сторон на меня кинулись собаки; отбиваясь, я ожесточенно стучал в окно и в то же время посматривал, куда бы укрыться.

— Кто там?—послышался голос из хаты.

Я, склоняясь от ответа, в свою очередь, спросил:

— Какая деревня?

— Морозовка,—ответил появившийся около меня человек.

А ты кто?

— Да я вот иду на работу, на станцию,—смущенно проговорил я.

— Куда же? К казакам?

— Как к казакам?!—изумился я.

— Ну да, здесь Украина, а куда ты идешь—это казачья сторона.

Потом, немножко помолчав, он проговорил:

— Да ты не бойся, говори правду, что ты за человек?

— А где здесь село Николаевка?—перебил я его.

— Вот оно,—всего верста.

«Значит вышли», пронеслось у меня в голове и я заговорил смело.

— Да я, дядя, бегу из казачьего плена; со мной еще два товарища, они воин там меня ждут.

— Большие вики, что ли?—спросил он.

— Да, да...

— Ну, заходи в избу, чего же стоять на метели-то. Давно вышли?

— Часов в десять вечера.

— Что же, всю ночь путались? Как не померзли-то? Ну заходи, заходи....

— Надо товарищем позвать,—сказал я.

— Ну, зови... Да найдешь ли их теперь?

— Они здесь, недалеко.

Я быстро нашел товарищем и мы пошли в избу. Увидавшая нас женщина всхлипнула руками и почему-то заплакала. В рваной, обледеневшей одежде, с обледеневшими лицами, мы, цвернное, имели жалкий вид, пожалуй, даже немножко страшный вид. Через пятнадцать минут, сытые, мы лежали на печи и говорили о том, как нам удалось, не зная дороги ни направления даже, уйти от казаков.

К вечеру метель утихла, хозяин рассказал нам дорогу к «Советам». В ночь мы отправились, опять по полю и на следующее утро вышли, наконец, на Советскую территорию.

И. Александров.

У Колчака.

Пришлось мне послужить немного в белой армии у Колчака, пасмотрелся я там на порядки. Вначале там в армии были только офицеры, чехи, да добровольцы. А потом мобилизовали варсильно крестьян, да рабочих молодых, 19 и 20 лет. Не хотели крестьяне своих детей давать, говорили: «Молодых обмануть легко», да попаехали в деревню чехи, да офицеры и забрали. А кто чуть что говорил против, так тех расстреливали и пороли. Сколько пароду перестреляли тогда, вине не сочитать, сколько деревень сожгли, сколько добра уничтожили, детей, стариков пороли. А в газетах писали, что мобилизация проходит успешно, только мы-то в Сибири знали, что делается, потому что ни одного уезда не было, где не было бы восстаний крестьянских, ни одного уезда не было, где не было бы деревень сожженных. Собрали новобранцев. По офицерским полкам разбили на каждых пять человек—офицер. Обмундирования не дали, кормили плохо. Кругом хлеб, а солдаты голодом сидят. Купить тоже не купишь, потому что жалованья всего 40 рублей платили. Потом уж прибавили еще восемь рублей. А офицеры одевались, как раньше, ходили, нацепили погоны по старому и солдат одеть погоны заставили. Поучили немного, больше всего учили, как честь отдавать. Чуть не отдашь—25 розог. Вот и ходишь, как прежде, да смотришь нет ли офицера где, не прозевать бы. А их на каждом шагу много, как тут не прозевашь, а прозевал—25 розог. Сами офицеры и пороли спачала, потом стали и солдат заставлять друг другу пороть. Откажешься—самого выбирайт, а то и расстреляют. А офицеры придут пьяные на ученье да по мордам бьют всех. Кто только подлизывается, в деньгицах у них служит, тому ничего не делали. Такие для солдат не лучше, чем офицеры были. Подслушают чего солдаты говорят, да и выдадут офицеру, а уж тот расправится. Уж так расправляются здорово, что солдаты друг другу бояться стали: как бы не выдали. У нас в роте, как-то раз на занятия не хотели идти, говорили, что хлеба мало, так трех человек расстреляли и восемнадцать выпороли. Пороли каждого десятого.

Поучили, да на фронт отправили. Думали, по дороге разбежаться, да не тут-то было—под чешским конвоем везли. Приехали на фронт. Вооружили и в бой послали. А сзади чехи с пулеметами, да в каждом звене офицер. Что тут сделаешь? И стали воевать. Стреляешь, а сам думаешь—за что своих братьев бьешь. Обмундирования не дали. Зима пришла, холода-то там зноющие, до 45 градусов бывает, а теплого нет ничего. Офицеры говорят—отбираите у красных. И попеволе отбирать стали. Как пленных возьмут, так и снимают с них последнее. Стыдно было, да ведь холодно здорово. Да и пленных-то все равно большую половину в живых не оставляют. Ну, уж не дай Бог попасть в плен к белым—окружат офицеры, начнут расспрашивать: не коммунист ли, не доброволец ли? Другой уверяет, уверяет, что насильно взяли в Красную армию, а какой офицер не поверит, тут же расстреляют. Да еще это ничего, когда расстреливают, а то прежде чем убить издаваю, мучают. Я видел, как в штаб полка нашего привели пять кавалеристов пленных, так командир полка, подполковник и еще начальник команды конных разведчиков велели их во двор ввести и там стали сами рубить их шашками. Кавалеристов не оставляют в живых ни одного, матросов тоже. Ну, а уж если партийный билет найдут... и вспомнить страшно, что с таким делали. И не только офицеры, а и солдаты есть такие, которые к офицерам подлизываются, крестики, да нашивки заслужить стараются, те часто не лучше офицеров. А уж крестиками там примавивают, не жалеют. День-

щики почти все с крестиками ходят. Толку-то от них мало, не маленькие—игрушками играть, а за 15 рублей, что за крест платят, своих же братьев крестьян, да рабочих бить, да свою голову под пули подставлять за то, чтобы офицеры ордена да звездочки получали—мало кто хочет. Только в плен страшно сдаваться, напомнили нам там, что красноармейцы погоны на коже вырезают, и в живых ни одного не оставляют. Не верилось, да все же страшно было. Красноармейцы пленные некоторые врали, что в Красной армии пленных убивают всех, врали, чтобы свою жизнь спасти—вот и боялись в плен сдаваться было. Да потом вначале красные все отступали, как тут сдаваться. А как только Красная армия наступать стала, так много стало сдаваться. И я вот в первый день наступления красных сдался. 6-го июня это было, южнее Глазова, в Вятской губернии. Наша рота на отдыхе была в сорока в трех от окопов. Перед этим три дня куска хлеба не видели, а про табак и забыли—солому курили. Только расположились на отдых, вдруг: «Собирайтесь». Послали в разведку. А кругом ступают белые. Кавалерия красная наступает. И наша рота побежала, все разбежались, а я в лесу остался. Подождал, подождал да и пошел в обратную сторону. Вышел к красным, говорю: «Я к вам». Боялся все же, но напрасно, оказалось, боялся: пришли, как родного, накормили, напоили, табаку дали. Привезли в Москву, потом к родным в Нижний отпустили. Только не оставьтесь теперь жить здесь—на фронт поеду. Хоть и не посыпают, да знаю, что нужно скорей с Колчаком покончить—каждый день, что он там царствует, рабочая и крестьянская кровь льется. А покончить с ним теперь не трудно будет, потому что все там поняли, что при Колчаке хорошо только боярам, офицерам и попам, а рабочим и крестьянам при нем хуже, чем при Николае было. При Николае хоть какой-то несправедливый, а все порядок был, а у Колчака каждый офицер, что хочет, то и делает. Сколько они там наших братьев рабочих и крестьян перестреляли и перепороли. Там старики теперь за винтовки взялись, против Колчака восстали. В нашей губернии, Енисейской, шесть фронтов было, когда я уезжал. Целыми деревнями крестьяне уходят, и восставшим присоединяются, потому что от офицеров, чехов да казаков житья вовсе не стало. Нас, пленных, гнали партию в 340 чеховек, так из нас большую половину на фронт записалось добровольно, потому что знаем, что такое за штат Колчак. У каждого почти то отца выпороли, то брата расстреляли, ни за что, ни про что; то разорили все, да и из нас-то редко кого не пороли офицеры. Так теперь уж все равно—придется умирать, так ничего не сделаешь, но уж отомстим Колчаку и его офицерам, не мало они нас помучили и сейчас еще наши семьи там мучаются. Только недолго еще торжествовать им осталось: Красная армия наступает—солдаты колчаковские в плен сдаются—из моей дивизии теперь три полка целиком сдались, а в тылу наши братья, да отцы за винтовки взялись, так уж и мы не отстанем. Теперь каждый из нас понял, что Советская власть для нас трудящихся—добро. Хорошо сейчас и голодно здесь—так скоро Сибирь освободят—оттуда хлеб будет. А если Колчак победит—рабочим и крестьянам житья не будет. Только этого и боится нечего—солдаты-то у него тоже крестьяне, да рабочие, так они не больно-то сражаться хотят против Красной армии, как и я не захотел. Так вот, товарищи запомните, что кто Колчака испытал—ни один не скажет, что Советская власть плоха, а будет до конца защищать Советскую власть от всяких Колчаков.

Перебежчик из Сибири Анишев.

За Уралом—Сибирь.

В «Известиях» напечатано следующее письмо к тов. Ленину, красноармейцев южной группы Восточного фронта:

«Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь! Ты приказал взять Урал к зиме. Мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь. Не впервый раз нам приходится по твоей команде вступать в бой с неравным врагом и всегда мы побеждали, сильные верой в правоту нашей борьбы, в торжество революции. Раздался твой мощный голос—остановить зарвавшегося врага, не отдавать ему главного герба Советского российского организма—Волгу,—мы дали отпор, и о наше сопротивление разбились полчища сибирской контрреволюции. Мы перешли потом в наступление и пронесли врага от Поволжья, теперь мы гоним его в Сибирь, за Уралом. Тов. Ленин, ты сказал, что Урал нужен нам к зиме. Мы это хорошо понимаем, ибо кого ближе касается голодовка семей наших, братьев в центральной России, как не нас, кому дороже целость хозяйственной жизни Республики, как не нам. Мы знаем, что Россия переживает продовольственный голод, что ей грозит экономический кризис из-за отсутствия материалов, которых много на Урале. За Уралом, на полях, освобожденных нами от колчаковских банд, нынешним летом хороший урожай. Этот урожай даст хлеб для голодающих губерний, и мы переживем страдное время; мы уверены, что крестьяне, с которых мы сняли колчаковское ярмо, отдадут Республике весь излишек хлеба из нового урожая. В то же время мы надеемся, что хозяйственная сторона жизни

Республики усилиями тыла будет также восстановлена, ибо теперь заводы Урала находятся в наших руках, для них нужны лишь хорошая постановка дела, умелая опытная рука настоящего хозяина рабочего-уральца.

Больше Урал не перейдет в руки врагов Советской Российской Республики. Мы заявляем это во всеуслышание. Урал с крестьянскими хлебородными местами и с заводами, на которых работают рабочие, должен быть рабоче-крестьянским. С переходом Урала наше дело мы не закончим; мы пойдем в Сибирь, освободим сибирское крестьянство и сибирский пролетариат от гнета помещиков и капитала и поможем им организовать свою власть. Среди нас есть много сибиряков, и мы знаем, что только Советская власть сумеет удовлетворить все нужды и запросы сибиряка. Только при Советской власти он будет вольным сыном свободной Сибири. Наш вождь, мы победили врага у себя на восточном фронте, но есть еще у Республики враг на Юге, там также борются наши братья. Передай им наш коммунистический боевой привет, скажи, как мы пришли к победе, каких усилий, какой тернистый путь выдержали мы, и стоило разбить врага. Скажи им, что они не одни, что они будут поддержаны всеми силами, которые могут быть нами без ущерба для дела мобилизованы. Влей в них бодрость духа, укрепи в них волю и желание к победе! Остаемся на боевых постах с коммунистическим приветом к тебе, красноармейцы южной группы восточного фронта».

Большевики—антихристы и 2-е пришествие Христово.

Недавно мне пришлось побывать в небольшой деревушке, находящейся в нескольких верстах от города. Я вошел в одну избушку и спросил себе молока. Хозяйка дома, осмотревши меня с ног до головы, ответила, что молока у нее нет. Испугала деревенскую бабу красноармейская звезда. Я заметил, что за молоко заплачу сколько следует и что меня бояться нечего. Эти слова подействовали на крестьянку и она через несколько времени принесла мне кринку молока. Когда я пил молоко на террасе, то до меня доносились слабые разговоры хозяйки дома с пришедшей соседкой, очевидно, относившихся по моему адресу. Разговор их делался все сильнее и громче, так что я мог уже отчетливо разобрать их разговор. На вопрос соседки, что за «барин» сидит на террасе, то хозяйка ответила, что это какой-то видно «большестрик» со «звездой».

Дальше я услышал: «Большестрики» то ведь они все окаймленные, антихристы, — говорила хозяйка своей соседке: — вот смотри, этот самый «большестрик» и картуз не снимает перед иконами-то; как вошел он, значит, ко мне в избу-то, так на образато и глядеть не хочет, и да, матушка моя; вот оно и сбывается священноеписание-то; как говорено, значит, что будет антихрист, в последние времена и верно: вот их сколько окаймленных «большестриков», все жидовскую звезду» носят. При входе моем в избу бабы притихли и расплатились за молоко и вышли. В дороге мне все вспоминались слова крестьянки: «большевики-антихристы». Добрая половина русских деревень все еще привыкла верить и до настоящего времени верит «в пришествие Антихристово». Услужливые батюшки старательно вбирали в голову темным, невежественным массам — послушание Богу, страшный суд Христов, а также почитание «нетленных монстров». Поповские бредни, конечно, не сразу выведутся в народных массах. Все еще крестьяне (конечно, благодаря своей темноте) легко будет поддаваться всякой брехне. Долгие годы надо прожить, чтобы приблизить крестьянина к рабочему, просветить его и подготовить наше темное крестьянство к новой коммунистической жизни. Да, нам долго придется бороться с народной темнотой, трудно бороться с закоснелыми религиозно-суеверными предрассудками, но время победы труда над всем тем, что оставил старый буржуазный строй, во всяком случае не за горами. Пожар социальной революции разольется по всему миру, сотрет, уничтожит на своем пути всех паразитов и эксплоататоров труда.

и создаст одно общее царство трудающихся, одну пролетарскую семью. Да, наивно верит крестьянка, в «пришествие Христово». Напрасно хлопочет, может быть, о своей «душеньке», душеньке покойников, дабы не попасть в «гееину отгненную».

Буржуазия была и будет, пока она не уничтожена окончательно притвориться религиозной, обильно награждая «цариков» недурненьким доходом. Русский народ по своей натуре религиозен; попы-спекулянты злоупотребляли этой религиозностью, спекулируя на «мошах» «чудотворных иконах» и проч. Несмотря на переворот, крестьянство, а порой даже и рабочие остались при прежних своих религиозных убеждениях. Религия «делавшая чистое свойство человека», сказал однажды один видный революционный деятель. Поэтому с религиозными предрассудками нужно бороться не насилиственно. Нужна сейчас энергичная работа по проведению обязательного обучения крестьянских детей, их социальной обеспеченности; сейчас нужно распространять агрономические сведения в народе. Народ должен приобщиться к театру, участвовать в нем и проявлять свое народное творчество. Вновь должны воскреснуть и воплотиться в жизнь народные гуляния — празднества, где народ будет воплощать в себе все: художников, музыкантов, поэтов и зрителей. Народ должен постепенно приобщаться к сокровищнице искусств, наук, социализма. Народные широкие массы нужно научить участвовать во всех происходящих явлениях современной жизни активно, а не быть пассивными зрителями. Активное участие всех народных масс в строительстве новой жизни — есть залог победы грядущего социализма. Да, я верю, что придет не «второе пришествие Христово», а придет царство труда. Мы должны увидеть царство пролетариата всего мира, братский союз всех народов, братскую семью трудающихся. «Второе пришествие Христово» — есть мечта древних христиан, фантазия суеверных, темных, а также набожных людей. Крестьяне постепенно отрешатся от поповского обмана, от всяких поповских бредней, и придут к необходимости переустройства всей своей экономической, а также и общественной жизни. Да, должно прийти давно ожидаемое царство труда, царство расцвета всех творческих сил народа, братское единение всех трудающихся. «Коммунизм победит», как сказал наш великий вождь тов. Ленин.

Красноармеец И. Гоняев.

На пути в Сибирь.

Сейчас наша армия идет вперед триумфальным шествием, встречая, и то не везде, лишь слабое сопротивление белых. Да и кому сопротивляться! Напр., во 2-м Чердынском полку, взятом нами в плен, осталось всего-навсего 32 добровольца. По нашим сведениям, на фронтах восточных армий есть еще некоторые не совсем разбитые полки, способные иногда оказывать упорное сопротивление. Колчак прибегает к хитрости и обману, но это уже не помогает. Так, напр., в районе ст. Чусовская наша бригада получила сведения, что против нее Колчак бросил английскую бригаду. Бригада действительно оказалась, но только те же пермские и тобольские крестьяне, одетые в английское обмундирование. Эти «англичане» последовали примеру всех остальных русских, и половина из них немедленно со всеми потрохами перешла к нам, остальная часть разбежалась, часть Колчаку удалось расстрелять. Да, теперь нам легко.

Хорошее питание и высокое состояние духа безудержно влекут все вперед и вперед.

Мы слишком много патрелились, измучились предыдущими неудачами, обозлились. Теперь дорвались до врага и не можем настытиться. Это не пустая фраза — это факт. Кому удалось пройти все это расстояние приблизительно верст на 9 западнее Глазова и верст на 100 вперед Уржума до линии Оханска и Перми, тот поймет, содрогнется от ужаса, только увидев, а не участвуя в этом пространстве боев. На всем указанном пространстве по линии Пермской железной дороги, Казанскому тракту, по всем проселкам к югу от железной дороги и северу от фронтовой линии приблизительно в 100 верст сожжены все мосты и мостики, выгоревшие сплошь и частично деревни и окопы, окопы на каждом холме, у каждой деревни. Окопы по всем правилам искусства с пулеметными площадками, блокгаузами, ходами сообщения, с брустверами. Вы увидите перепиленные телеграфные столбы, искромсанный гранатами лес, воронки в земле от спарядов. Даже в сплошных лесных пространствах вы увидите одиночные окопчики. Вы услышите рассказы свидетелей, как белые расправлялись с пленными, вырезали половые органы, отрезали уши, вырезали сердца; вам расскажут, как секли наших пленных и заподозренных в сочувствии к нам горячими шомполами до 130 ударов. Послушайте, например, что говорит инженер Бояршинов, единственный инженер Мотовилихи (остальные сбежали к Колчаку), спасенный из пермской тюрьмы нашими войсками. По захвате Перми белыми в декабре прошлого года Бояршинов был арестован по подозрению в принадлежности к нашей партии (он действительно коммунист), но белые не имели к тому доказательств и старались выпытать от него о других. Приговорили к расстрелу, повели. Зарядили винтовки, раздалась команда: «Пли». Но зали не дали и повели пытались. Разделы. Нагрели шомпола: «Всыпь сто». После шестидесяти ударов, тов. Бояршинов потерял сознание. И так несколько раз в течение шести месяцев. Секли офицеры собственоручно, — главным образом, поручик Иванов.

По рассказам рабочих на Мотовилихе расстреляно Колчаком приблизительно две тысячи человек. А сколько высечено, как рабочих, так и женщин, — счета нет. (Сведения сейчас собираются точные). Ехал я однажды, ночью за Камой против Мотовилихи и попал в полосу невыносимого зловония. На вопрос случайно встретившемуся рабочему, нашему красноармейцу, приехавшему в отпуск в этот поселок, отчего воняет, товарищ обяснил мне и комиссару Н дивизии тов. Борчанинову, что тут валяются трупы расстрелянных белыми рабочих. 60 трупов этот товарищ вместе с другими рабочими-пильщиками зарыл, остальные гниют под завалом бревен, которых здесь тысячи.

Упорнейшие и ожесточнейшие бои, которые и решили участь белых, происходили в исторических отынне местах: у д. Ламинское, Чапья, Лузино, Ново-Паинское, Селты, Ужи, Зура, весь район Затипы и у деревень А. и С.

Деревни А. и С. замечательны по своему стратегическому расположению. Мы их пытались взять у противника несколько раз в феврале и марте, но каждый раз, неся большие потери, отступали.

При этом сделали рабочие N завода. В этом заводе, находящемся на левом берегу Камы, в 50-ти верстах от Перми, остановился на отдых при отступлении отряд белых, поставив винтовки в козлы. Один из рабочих завода, переплыл Каму, сообщил об этом нашей роте, находившейся на другом берегу; рота переправилась, пошла в обход белым и одновременно с рабочими завода бросилась на винтовки, забрала их и вместе с ротными пленила весь отряд белых со всеми их потрохами и командным составом.

Перечислять подобные факты нет возможности. Ясно одно: несмотря на трудность положения, упорство и продолжительность борьбы, Красная армия крепка, Красная армия непобедима.

Н. Муралов.

Пермь, 24 июля 1919 г.
(«Изв. В. Ц. И. К.»)

Из прошлого.

Старая армия.

Старый строй—колыбель богачей, где господствует капитал над всем и вся и плохо живется рабочему люду. Богачи не щадят средств, чтобы был темен народ, чтобы он не сумел догадаться, о причинах своей узаконенной категории. Власть капитала—сила великая, сшибить эту силу только может социализм, грядущий си на смену.

Теперь у нас в России свергнута власть капитала и господствует труд. Для трудящегося человечества это великкая победа, доставшаяся муками и кровью. Мы ни за что не должны уступить этой победы душегубкой буржуазии, а стараться доводить успех до полного крушения старого мира.

Самой верной поддержкой капитала всегда служила армия, построенная на обмане и темноте; на это-то детице, что называется «не надышалась мать»—пустоголовое дворянство, именикое купечество, расодырная и прочая грабительская саранча. Горькая участь была этому детищу от «матери». Там, где для трудящихся жизнь была кабалой, для солдат старой армии она была—каменный каторжный столб. Солдатская служба без срока. Какое было дело развратной Екатерине до того, что в отрядах ее генералов находились шестидесятилетние старики?

Тогда благоденствия не было, и для покоя хватало дебрей и широких степей: мундира на параде,—за плохой поворот Навел первый командует: «шагом в Сибирь» и целый полк в полном составе идет по назначению. В полной мере сохранялся девиз: девять забыть, десятого выучить. Только темная голова русского солдата позволяла переносить, чтобы после всего этого ему внушали: за Богом молитва, за царем служба ве пропадет».

Наполеоновское наступление на Москву в 1812 году вспомнило тогдашнюю знать, и ее правительство принуждено было пополнять армию, чем попало. Тут было не до кавалергардов и кирасиров. От бытв, от морозов и голода погибло множество солдат, а уцелевших «благословенный» царь Александр I повел в Париж. Заграницей наши кой-что увидели, с другими мыслями вернулись домой. В вадежде освобождения от рабства подходили к великому дню; когда средь гробых тишины бесправия раздался набат, панивший смертельного страха на господ: 14-го декабря 1825 года в Петербурге солдаты выступили против царя...

Нобежденных без счету забивали палками в казармах, клеймили и ссылали на каторгу. И Николай I всю жизнь старался вклюить в армию былой дух времен своей бабки. Этот негодяй любовался, как шпагутами прогоняли сквозь строй; как несчастный, приговоренный чаще всего за нарушение наружной дисциплины, падал под ударами стоявших в две шерени солдат, не доходя до другого фланга. От этого кошмарного времени еще недавно, как призраки, вон-где бродили по деревням николаевские солдаты.

Службу сбивали до 25 лет... И после, как «великую милость», в числе прочих, обманных милостей, Романовский шуллер Александр II срок службы установил в 7 лет. Тут была не «милость», а экономические расчеты.

Солдаты все равно не видели своих кровлей, дисциплина с порками, с ссылками, с убийствами тайком и открыто офицерами, была, как в старину.

В девяностых годах повсюду новой жизнью. Стал подниматься на пои рабочий класс, крестьяне целями губерниями восставали против помещиков. Забрезжил свет над проклатой царской казармой.

3-го ноября 1903 г. в Черноморском флоте произошел бунт Адмирал Чухин, которого в 1905 году уложила солдатская пуля, своим зверским режимом вывел матросов из терпения. Матросы восстали. Тогда про это запрещали писать. Об этих событиях «Бывший моряк» рассказывает:

С утра разнеслась весть по экипажам, что за ворота не пускают с обычными белыми билетами, а по приказанию Чухина должны быть какие-то красные. Красных же билетов никто не выдавал; это сильно озлобило матросов. К вечеру, когда вернулись матросы с казенных работ, у ворот второй дивизии собралась толпа матросов человек до трехсот; стали переговариваться с дежурным у ворот. Выругали, освистали и загикали дежурного офицера. Кто-то из толпы бросил камнем в фонарь;

зазвенели стекла, это послужило сигналом. Толпа заволновалась, послышались крики: «Красные билеты! Мы вам дадим билетов, бей их! Ура!»

Камни, доски, палки, дрова все, что попадало под руки лежало в окна, в двери, в ворота и фонари. Матросы выбегают из экипажей, присоединяются к начавшим. Добрались до офицерских квартир, выбили окна, разбили посуду, порвали подушки, подожгли в одном месте. Офицеров ни одного, как вымерли. Говорят, что они попратались в погреба. Добрались и до военно-морского суда, выбили все окна. Вышел дежурный гарнизонист, стал трубить тревогу. Вырвали рожок, в одном месте послышались звуки марсельезы. Слышатся крики: «На арестный дом! Освободить товарищев! В город, в город! Бери выставки и в город»,—а могучее «ура» не прекращает греметь. Сист, стук и крики сливались в одно. Вот заорали тревогу в соседнем Брестском пехотном полку. Где-то близко раздалось сосенское, короткое сухое трра! Это дали залп будущие унтер-офицеры с крейсера «Память Меркурия». А грозное могучее «ура», звон стекол, треск пехотного барабана не прекращается. Вот совсем близко от нас показались белые огоньки и снова послышалось характерное трра! и что-то жалобно над головами завязжало, то опять будущие унтер-офицеры дали залп по своим братьям-матросам.

Шум смолк. Стали разбегаться по экипажам. Через некоторое время, когда все матросы были в экипажах и во дворе достаточно было патруля, присланного с кораблей, пришли офицеры. Как привычно и жалко выглядели они, просто простили было смотреть на них. Зашел к нам мичман Высокосов, командир 4-й роты и начал: «Братцы, что вы делаете, теперь тащите время», парь-батюшка, пары-матушка и я плачу, а ты...—«Ненавижу воин, кровопийца!»—крикнул ему кто-то. На всех лицах была написана злоба; мичман ушел. Во дворе кого-то его угостили камнем в бок. Через несколько дней начались аресты предполагаемых зачинщиков, потом суд над ними. Такие уроки начальству были нынче! И, вместо улучшений жизни солдат, на справедливые требования оно отвечало расстрелами мятежных крамольников. Только революция 1905 года пристрела чуток решотку солдатского подземелья. До пятого же тода солдаты жили, как и при Николае I, только на смену штыкунов заступили канатный сапог. И там, когда нужно было «протладить» присуждали в тюрьму, в дисциплинарный батальон, где пороли на смерть. Тогда все было. Не было и речи о нехватке продуктов, в мирное время солдат кормили тухлятивой, с голода они приуждены были сбирать. Только это нищество называлось вольными работами. В летнюю пору от зари до зари за работу у помешка получали по 30 копеек в день. Из этих денег половину отдавали в казну, половину на улучшение пищи. В сун снять подавали черви, а несчастные грехи, добытые потом—начальству в карман.

Тогда не только заботились, чтобы солдат мало-мальски знал, а наоборот, чтобы вытравить у него всякое понятие, что он есть человек, целыми годами долбили, как титуловать особ царствующего дома. В казарме икона во всю стену, лестница, генеральские портреты, трапеции, ряды коеч, вот и все, что видел перед собой солдат целых пять лет! Офицеры могли заглядывать в сундуки, снимать одеяло со спящего солдата, и как угодно издеваться, если они хотели. Они не хотели знать страданий рабочего и крестьянина в мундире, не хотели понять вакопившуюся годами злобу. Ряд кровавых восстаний в 1905 году всколыхнул всю армию. Печать была в руках буржуазии. Рабочих газет не было, абыли—их тотчас закрывали. Те данные, которые сохранились об этих бунтах в официальных правительственные сообщениях—полны искажения и лжи. Буржуазные же газеты, поддерживая старый строй и правительство, никогда не писали беспристрастной правды. Про бунт в Кронштадте «Наша Жизнь» сообщала следующее: «26-го октября вечером в Кронштадте был собран огромный митинг, в котором принимают участие исключительно рабочие члены, главным образом матросы и солдаты крепостной артиллерии. В разгар митинга здание было окружено вооруженными войсками и часть участников митинга была арестована. Матросы и артиллеристы собирались выручать арестованных товарищев, но не были допущены в здание тюрьмы,

тогда вооруженная толпа бросилась на квартиры офицеров. Избито до 60 особенно нелюбимых офицеров, разгромлен арсенал и расхищено все оружие; жандармские власти арестованы. Вооруженным населением распоряжается комитет из матросов и артиллеристов. Весь город в огне. Стреляет артиллерия и пулеметы».

«Русские Ведомости» в № 284 сообщают: «что первые призраки восстания начались 23-го октября в крепостных ротах из-за солонины с червями. За что было арестовано 40 человек артиллеристов. 26-го вечером, когда из крепостного батальона повезли арестованных на форты, то собравшиеся матросы и рабочие отбили их. В толпу было произведено несколько залпов, причем были убитые. Слух об этом облетел весь город, и к 6 часам собравшиеся матросы разгромили офицерское собрание. Бывшие там офицеры скрылись через черный ход. Сколько десяти часов вечера, были вызваны боевые роты, и, сини, окружив буйствующую толпу около театра, стали в нее стрелять. Толпа рассеялась, но вскоре снова собралась. Боевые роты уже не показывались. По городу начался погром. Громели магазины, винные лавки, поджигали дома богатых, убивали и сажали оказавших сопротивление. Пожарную команду не допускали к тушению. Взбунтовались двенадцать флотских экипажей, минные и артиллерийские отряды. Численность взбунтовавшихся определяют более 14 тысяч человек. 27 октября бунт продолжается. Частные квартиры не большой частью остаются нетронутыми. Жители бегут. Присланые 27-го драгуны не были допущены к высадке».

После сопротивления моряки сдались. Начались казни. Правительство опровергало о подавлении мятежа. Буржуазия требовала твердых мер. Трепов, Победоносцев, Дубровин, Сахаров делали дело, но залпы карательных отрядов сорвали другие залпы присоединившихся к капиталистов, верных революции войск. Скоро тряпку восстание в Севастополе. Рвались рабские цепи, но разорвать их окончательно сумели в октябре 1917 года, спустя двенадцать лет. Враги не найдут больше сил подавить мировой пролетарский Кропоткин.

Н. Марьин.

Случай из жизни при царе.

Было мне 19 лет, и я в Петербурге по Обводному каналу увидел такую картину: около трактира два человека (дворники) держат за руки неизвестного, а третий, одетый в листриновый

пиджак, похожий на хозяйственную, был по лицу камнем человека, которого держали дворники. Я ужаснулся, увидав, как среди бела дня избивается один из членов общества. Я страшно возмутился и вступил за избиваемого. Тут собралась толпа, из которой человек восемь привели мою сторону и также выступили на защиту обижаемого. Какой-то господин в котелке начал записывать наши адреса и обещал подать жалобу градоначальнику, а всю эту сцену наблюдал спокойно стоявший в стороне городовой. Мы бросились к нему и потребовали, чтобы он доставил всех в участок для составления протокола. Он покачал головой и говорит: «Так вы непременно хотите идти заступаться?»—«Да, мы хотим».—«Ну, иду, пойдемте». И все отправились в участок (4-й Нарвский). Вот тут-то и обнаружился Романовский произвол. Мы прошли по винтовой, темной лестнице и попали в комнату, где сидел здоровенный кретин-помощник пристава и спрашивал, что такое за люди. Избивший, показывая камень, говорит: «Вот этот субъект бросил в окно камнем и чуть не попал в меня».—«А это кто?» Городовой докладывает: «А это заступаться пришли». Впереди нас стоял господин в котелке и грозил жалобой градоначальнику. Вдруг помощник пристава вскочил и со взглядом бегемота, как рявкнет: «Что, заступаться, эй поддай!» И находившиеся в помещении человек 12 городовых присягались за нас. Били всех, чем попало и по чему попало и сбрасывали нас по винтовой лестнице. Мы кубарем летели, драня друг друга. Очухались на грязном дворе и смотрим, что у всех кровоподтеки. А дворники стоят в стороне и смеются. «Что пожалились! Хе-хе!» Вот каковы порядки и расправы творились при «помазаннике Божием»—Николае втором. Так плачевно закончилась наша попытка защитить бедного избиваемого. И мы отправились доставать бодягу, чтобы уничтожить следы от побоев николаевских опричников. Но все-таки подобные факты, повторяемые несчетно раз, не убедили многих, стремящихся и стягающие восстановить прежние порядки. Все эти гады рвутся в учредительному собранию, а там и за царя. Но нет, им не удастся произвести возврат к старому. Слишком сильна наша партия, чтобы уступить им, позволить надеть на нас цепи капитализма. Долой всю эту сволочь! Доблестная Красная армия поможет нам отстоять программу по завету великого учителя Карла Маркса.

Агитатор Ульяшин.

К пролетариям всего мира.

Товарищи!

Совершилось величайшее предательство. Советская власть в Венгрии рухнула под напором империалистских разбойников и чудовищной измены социал-предателей. Вожди II Интернационала, которые поддерживали империалистскую бойню, сорвали стачку международного протеста. Империалистские громилы, во главе с Клемансо и Вильсоном, обнаглели. Ультиматум, предъявленный ими, гласил: «Низвергните Советское правительство, и тогда мы оставим вас в покое».

И здесь проявились вся подлость прежней социал-демократической партии. Она клялась в своей верности пролетарской диктатуре. Она подписала соглашение с коммунистической партией Венгрии. Более того, она слилась с этой партией. На торжественных собраниях, на съезде советов, на партийном съезде она заявила о том, что будет биться за коммунизм и революцию до последней капли крови. Она, слившись с коммунистами, примкнула к III Коммунистическому Интернациональному.

На лбу у этой партии лежит теперь клеймо Каина. Она предала пролетариат, революцию, славную партию венгерских коммунистов, Интернационал. Войдя в тайное соглашение с версальскими убийцами и собственными контр-революционерами, опираясь на золото империалистов и штыки палачей, она свергла правительство коммунистического пролетариата. Эти «чистые социалисты» восстанавливают теперь частную собственность. Каждая из держав Лиги Наций посыпает для их поддержки по одному полку. Во главе правительства поставлен Пайдель, убийца рабочих, венгерский Носке.

Предательская натура социал-патриотов сказалась. Подобно тому, как в Германии шайдемановцы и каутскианцы топят в крови пролетарскую революцию; подобно тому, как русские «социалисты-революционеры» и меньшевики обективно помогают царским генералам; подобно тому, как весь бернский желтый Интернационал оптом и в розницу продает рабочий класс разбойничьей

«Лиге Наций», — венгерские социал-предатели отдали на растерзание гордость мирового пролетариата, венгерскую Советскую Республику.

Провокаторам и наемным палачам капитала нет места в III Интернационале! Пусть идут во II, к Брантигам и Тома, Носке и Каутским!

Коммунистический Интернационал, оправдывая падение Советской Республики Венгрии и гибель ее славного вождя. Тибора Самуэли, призывает пролетариев всего мира еще теснее сплотиться вокруг коммунистического знамени, еще более усиливать написк на твердыни капитала.

В великой исторической схватке наших дней будут и великие победы, и жестокие поражения. Но кровавый опыт Финляндии и Сибири показал нам, что в странах, где была Советская власть, не может быть прочной победы контр-революции. Всюду и везде поднимаются волны восстания. Наша окончательная победа также неизбежна, как гибель буржуазии и социал-предателей.

Коммунистический Интернационал призывает венгерский пролетариат к стойкости, мужеству и выдержке. За работу, товарищи! За немедленную организацию нелегальной коммунистической партии! Кровавый урок Венгрии научил весь мировой пролетариат, что с социал-соглашателями не может быть никакой коалиции, никаких компромиссов! Слой оппортунистических продажных вождей должен быть сметен. Новые люди должны стоять во главе движения. Рабочий класс выдвинет их. Ибо ему, а не его противникам, суждено победить.

Советская Венгрия погибла, — да здравствует Советская Венгрия!

Да здравствует Венгерская Коммунистическая Партия!

Да здравствует революция рабочих всего мира!

Да здравствует коммунизм!

Председатель Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала Г. Зиновьев.

Москва, 5 августа.

Тибор Самуэли.

(Некролог).

Телеграф принес нам кошмарную весть о падении Советской власти в Венгрии и о трагической гибели одного из наиболее талантливых и энергичных вождей венгерской революции — Тибора Самуэли. После того, как под давлением союзнических палачей революции и благодаря черному предательству «социалистов» в Венгрии произошел контр-революционный переворот, тов. Тибор Самуэли пытался перебраться через австрийскую границу. Попытка не удалась, и чтобы не попасть в руки душителей революции, тов. Самуэли выстрелом из револьвера покончил с собой.

Внезапно порвалась молодая жизнь, полная кипучей, неутомимой энергии и непоколебимой преданности делу международной пролетарской революции.

Имя Тибора Самуэли знакомо русским товарищам. Заброшенный судьбой в Россию в качестве военноопленного, Самуэли проявил себя одним из выдающихся организаторов интернационалистских частей Красной армии.

Вся недолговременная жизнь тов. Тибора Самуэли была ярким воплощением борьбы... Борьбы оружием, словом и пером за достижение идеалов пролетарской революции. Тов. Тибору Самуэли было около 30 лет. Он происходил из семьи мелкого землевладельца из-под Нидерхаза (в северо-восточной Венгрии). Еще студентом принял он за журналистскую деятельность, сотрудничая в радикальной газете, издававшейся в гор. Комароме. Затем он работал в Будапеште, в редакции социал-демо-

кратической газеты «Nepszawa», принимая в то же время участие в партийной жизни и ведя социалистическую агитацию. Он неизменно принадлежал к левому крылу партии.

Когда вспыхнула война, тов. Самуэли был призван в армию в качестве офицера. В 1915 г. он попал в плен в Галиции и был препровожден в Сибирь, в лагерь Даурию (на манчжурской границе). В этом лагере, где имелось 30,000 военноопленных, тов. Самуэли начал вести пропаганду. Впоследствии Тибора Самуэли перевезли в Соликамск. Там у него произошло несколько конфликтов с другими пленными офицерами из-за его социалистической агитации, и он просил, чтобы его отправили куда-нибудь на работы.

Он был отправлен на Надеждинский завод, где он вскоре начал работать в качестве главного чертежника.

В 1916 г. тов. Самуэли задумал бежать в Венгрию. Ему удалось благополучно добраться через Финляндию до Торнео, но близ Торнео он был задержан и препровожден обратно.

Тов. Самуэли пришлось испытать все ужасы царского пленя. В Пермской губернии он был однажды зверски избит жандармами, и во время истязания ему сломали два ребра, после чего ему пришлось пролежать более двух месяцев.

После Октябрьской революции т. Самуэли явился в Москву, чтобы принять самое активное участие в агитации среди военноопленных и организаций их.

Когда прибыл из Петербурга тов. Бела Кун, Тибор Самуэли принял вместе с ним и с Эристом Пором участие в основании венгерской коммунистической группы и газеты «Szozialis Jorgada.om» («Социальная Революция»).

Он был также организатором и политическим комиссаром первого коммунистического батальона. Вместе с Куном и Пором Самуэли участвовал непосредственно в подавлении лево-эсеровского мятежа.

После свержения Габсбургов тов. Самуэли вернулся в Венгрию и работал там по подготовке социального переворота, редактируя газету «Soros Ujszag». Среди солдат он пользовался огромнейшей популярностью, как оратор. Он был арестован в результате вздорного обвинения в том, будто бы умертвил в бытность свою в России 400 австро-венгерских офицеров за неожелание их вступить в Красную армию. Вскоре его освободили, но вслед затем было произведено на него покушение, в результате которого были тяжело ранены двое его братьев.

После неудачного выступления коммунистов и ареста т. Бела Куна в 20-х числа февраля, Тибор Самуэли скрылся и жил нелегально, продолжая, однако, и в убежище своем вести кипучую революционную работу.

После того, как в Венгрии совершился социальный переворот и водворилась Советская власть, Тибор Самуэли вошел в состав правительства в качестве члена коллегии военного комиссариата. Впоследствии он сделался членом коллегии народного комиссариата просвещения. Кроме того, он принимал участие в работах по жилищному вопросу и по организации первомайских торжеств.

Самуэли был одним из организаторов венгерской Красной армии и принимал личное участие в обороне Венгерской Совет-

ской Республики против румынского нашествия. Вместе с 1-й дивизией он отразил в мае наступление румын и ликвидировал контр-революционное выступление.

В конце мая т. Самуэли посетил Украину и Москву со специальной миссией от лица правительства Советской Венгрии, пролетев от Будапешта до Винницы на аэроплане. Московские товарищи еще помнят его речи на Красной площади и в Советском театре в день всеобщего обучения.

По возвращении в Венгрию ему пришлось окунуться в беспощадную борьбу с контр-революцией. Он умел действовать решительно и быстро, и с его помощью были успешно ликвидированы в июне заговоры в Эденбурге и Будапеште.

Стоя на крайнем левом фланге коммунистической партии, он оказывался иногда в оппозиции по отношению к руководящему стечению ее. Так, например, на всевенгерском съезде советов он выступил решительным противником перемирия с державами Согласия, но голос его прозвучал одиноко.

Тибор Самуэли был революционером по призванию, революционером до мозга костей. Его железная воля не знала преград, а душа его чужды были компромиссы... Это была «личность цельная и верная себе»... Он запечатлел эту верность коммунистическому идеалу своей трагической безвременной кончиной...

В лице Тибора Самуэли не только венгерская, но и всемирная пролетарская революция потеряла одного из стойких идеальных вождей, а буржуазия лишилась в нем одного из непримиримейших и беспощаднейших врагов. Не даром громили его буржуазные западно-европейские газеты, а некоторые из них называли его «большевиком, не знающим границ» (bolscevico senso limite).

Он неуклонно шел вперед — навстречу заре всемирной пролетарской революции...

А. РУДНИНСКИЙ.

Они еще придут.

Падение Венгерской Советской Республики рассматривалось социал-предателями и всем буржуазным миром, как начало крушения Советской идеи в международном масштабе. Орган германских соглашателей, потопивших в крови спартаковское движение в Германии, писал, что венгерские события являются примером нежизнеспособности Советского строя и что участь Венгрии ожидает всякую страну, если только она вступила бы на путь пролетарской революции. Германские соглашатели, давшие таких кровавых жандармов, как Носке и Штедеман, повидимому ищут в венгерских событиях успокоения своей преступной совести. Но, как показывают последние события в Венгрии, торжество победителей является преждевременным. Логика событий еще лишний раз подтверждает истину, что пролетарская революция непобедима, ее можно придушить на время, но уничтожить ее нельзя. Обективные условия, вызванныевойной и развитием капиталистического общества, питают современное пролетарское движение и ведут, в конце концов, к неизбежному торжеству диктатуры трудящихся.

Измена и предательство соглашателей ввергли Венгрию в бездну самой черной и разнуданной реакции. С возвращением к власти капиталистов и помещиков сведены на нет все завоевания революций и трудящиеся превращены опять в крепостных капиталистов и помещиков. Казалось бы, что на время революция в Венгрии придушина. Но, несмотря на всю тяжесть потерь, понесенных венгерским пролетариатом, он уже пробуждается и снова начинает борьбу с угнетателями. Радио американского бюро печати от 11 августа сообщает, что вся Венгрия охвачена вооруженным восстанием в результате насилиственной узурпации румынами.

Пока победители ежедневно совершают перевороты, свергая друг друга, пролетариат оправился и взялся за винтовку. Мы знаем, что венгерским товарищам предстоит тяжелая и длительная борьба, но мы знаем также и то, что они выйдут победителями из этой борьбы. Современная классовая война, как и всякая война, кроме побед знает также и поражения. На одном из участков этой мировой классовой войны мы потерпели поражение, но это не значит, что там пролетариат побежден навсегда. Нет.

Не прошло и месяца с падения Венгерской Советской Республики, а трудящиеся массы Венгрии уже поднимают знамя восстания против своих поработителей.

И с твердой уверенностью мы говорим, что недалек момент, когда венгерские товарищи привлекут к страшному суду историю всех предателей и поработителей венгерского трудового народа.

Час расплаты близится.

А. В. Г. ПОДНЕК.

(«Н. Ком.»).

Венгрия будет с нами.

ЛИОН, 11 августа. (Американское радио). Вся Венгрия охвачена вооруженным восстанием в результате насилиственной узурпации румынами. В Париже получены тревожные депеши, указывающие, что предстоит начало войны в Венгрии в самой безудержной форме. Венгерские реакционеры произвели новый переворот. Они обвиняют эрцгерцога Иосифа в измене Венгрии по соглашению с румынами, которые действительно пользуются им как своим представителем.

(ТЛФ. РОСТА).

Восстание в Кемнице.

НАУЭН, 10 августа. (Радио). Положение в Кемнице еще не определилось. По рассказам правительственных солдат им пришлось выдержать сильные столкновения с восстающими, которые стреляли из ружей и пулеметов в отряды вступающих в правительственные войска. Небольшая часть последних была окружена и обезоружена причем несколько человек было ранено и убито. Во время переговоров рабочие между прочим потребовали снятия осадного положения. Командующий правительственными войсками предложил рабочим отправиться с этим требованием в Дрезден. В результате переговоров было заключено временное перемирие. Повстанцы все еще держат в своих руках главный вокзал города, между тем, как многие важные городские здания находятся в руках правительственных войск. Во время уличных боев правительственные войска потеряли около 60 человек убитыми и несколько сот ранеными. Восставшие — 10 человек убитыми и около 20 ранеными. Между прочим удалось проникнуть в тюрьму и освободить всех арестованных.

(ТЛФ. РОСТА).

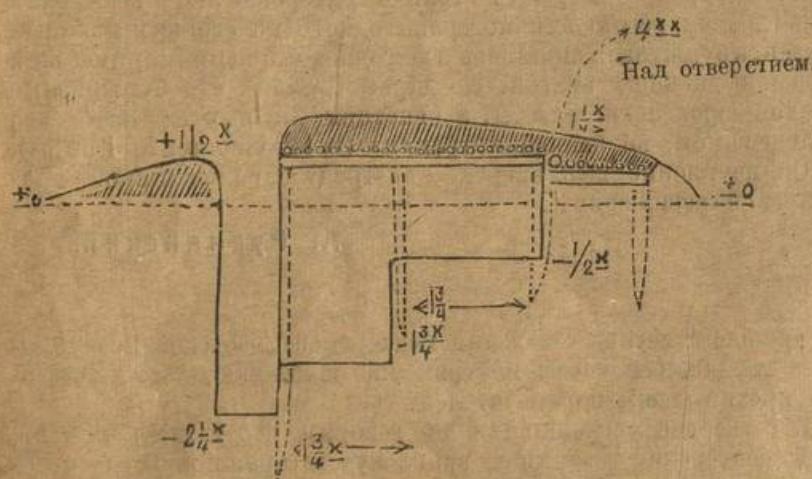

Записки по инженерному делу.

(Продолжение *).

II. Закрытия для пулеметов.

В настоящее время у нас в войсках есть на вооружении несколько образцов пулеметов и для таковых строятся особые закрытия для защиты от попаданий снарядов артиллерии, кроме того, строятся открытые площадки для пулеметов, которые должны храниться в особо устроенных убежищах, обеспеченных от попаданий тяжелой артиллерии. Пулеметы выпускают до 600 пуль в минуту; почему могут действовать только короткое время, но очень выгодным целям. Пулеметы на позиции всегда следует ставить парами, чем обеспечивается непрерывность огня, на случай, если один из пулеметов дает отказ. Закрытия для пулеметов могут устраиваться, как отдельно, так и в стрелковых окопах.

Артиллерия более чем пехота, нуждается в закрытиях от неприятельского огня: пехота может залечь за бугорками, валами и другими местными закрытиями и из-за них стрелять по неприятелю; в артиллерии же люди должны переходить с места на место, подносить патроны, заряжать орудие. Одна удачно попавшая граната может вывести из строя всю прислугу у орудия. Само орудие, особенно новейшего образца, со стальным щитом, мало страдает от гранат и пуль. Поэтому важнее устроить сначала закрытие для людей (орудийной прислуги), а потом уже, если будет время, усовершенствовать его таким образом, чтобы получить лучшее прикрытие для прислуги и отчасти для самого орудия.

Устройство артиллерийских наблюдательных пунктов.

Для успешной стрельбы необходимо наблюдать за местом разрыва своих снарядов и за действиями неприятеля, причем наблюдателям часто придется выбирать особые наблюдательные пункты отдельно от батареи.

Наблюдательные пункты устраиваются: командирские — для командиров батарей, руководящих их стрельбой, и передовые — для особых наблюдателей, следящих за разрывом снарядов, за появлением выгодных целей и особенно за теми местами, которые не видны командром батареи.

Наблюдательные пункты устраиваются в местах, с которых видна хорошо впереди лежащая местность (на вершинах гор, деревьях, валках и т. п.), а сами они незаметны для неприятеля. С командирского пункта необходимо, кроме того, видеть хотя бы одно орудие батареи.

Понятие об артиллерийских позициях.

Артиллерия представляет для противника очень выгодную цель, и раз он ее обнаружит, то постараётся уничтожить сосредоточенным огнем: гранатным и ружейным огнем перебьет прислугу, а гранатами и бомбами подбьет орудие. Если поставить орудие так, что наводчики будут видеть цель, то при первых же выстрелах неприятель заметит их по дыму, блеску и особенно по пыли, как бы они хорошо ни были замаскированы.

* Смотрите „Мысль Красноармейца“ №№ 4 и 5-6.

Чтобы сохранить артиллерию, ее приходится ставить в таких местах, чтобы при самой сильной стрельбе, она не была замечена неприятелем. Для этого ее располагают на позиции за какими-нибудь местными предметами: за возвышениями (холмами), за лесами, рощами, высоким кустарником, насыпями, изгородями, группами строений и т. п.

Артиллерийские позиции, в зависимости от способа наводки и от степени укрытия, разделяются на открытые, полуоткрытые (замаскированные) и закрытые.

На открытых позициях наводка на цель прямая (наводчик видит цель), но зато артиллерию обнаруживает себя, ибо, видя противника, она видима сама. Выгода эта позиция тем, что можно обстреливать всю местность впереди орудий без мертвых пространств.

Установка орудий на открытой позиции

При замаскированных позициях наводка производится по невидимой цели. Самих орудий не видно, но блеск и пыль могут быть замечены неприятелем. Обстреливать всю местность перед орудием нельзя; впереди прикрывающего местного предмета будет мертвое пространство. При закрытых позициях мертвое пространство увеличивается, но зато при самой сильной стрельбе артиллерию не обнаружит противнику места своего расположения.

Стрельба ведется по невидимой цели при помощи наблюдателя и особого прибора — угломера.

Наблюдатели располагаются впереди или сбоку, в таких местах, с которых хорошо видна местность перед позицией.

Установка орудия на закрытой и замаскированной позиции.

С закрытой позиции.

III. Полевые укрепления.

Понятие об опорных пунктах.

Опорные пункты — это наиболее важные места на позиции (т. е. занятой для боя местности), которые служат опорами для прочного удержания всей позиции войсками.

Опорными пунктами на позиции могут служить местные предметы: отдельные дворы, усадьбы, кладбища с огороженными группами возвышенностей, деревни, рощи, леса, если с окраин их имеется хотя бы близкий (400 шагов) обстрел к стороне противника и если с них хорошо обстреливаются подступы к соседним участкам.

Усадьбы и деревни могут служить хорошими опорными пунктами и только тогда, когда в них нет построек, легко подвергнутых пожарам и разрушению от артиллерийского огня.

Если на позиции нет подходящих местных предметов, то на важных местах ее, большей частью на возвышенностях, устраиваются искусственные опорные пункты в виде сомкнутых полевых укреплений (редутов).

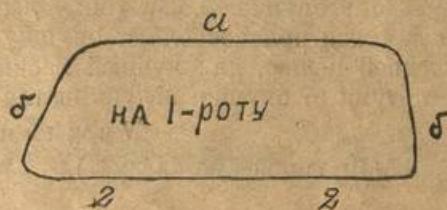
Если местность для построек редута неудобна (очень пересеченная), то устраивают вместо него группу стрелковых окопов.

При расположении на позиции больших отрядов войск (от полка и больше) в состав таких групп могут входить и отдельные укрепления. Такие большие группы называются целыми батальонами и получают название узлов сопротивления, оставляя отдельные участки позиции.

Всякий опорный пункт должен обороняться упорно и самостоятельно, для чего необходимо устраивать его так, чтобы он давал огонь во все стороны и был обнесен сплошным кольцом препятствий.

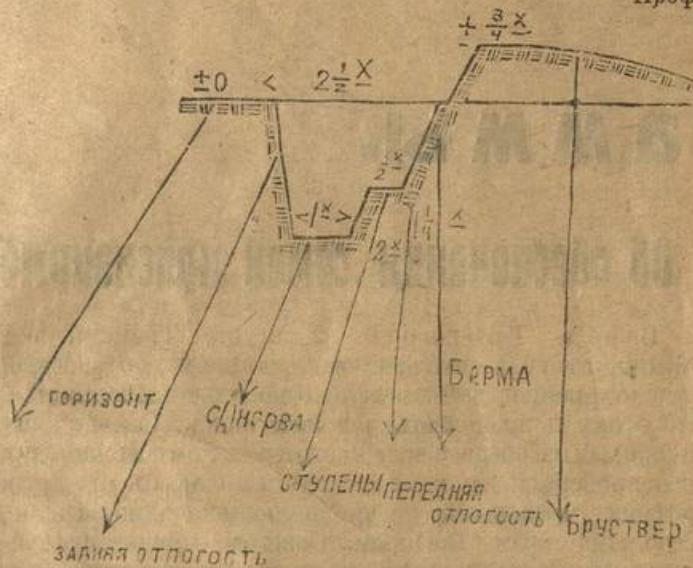
Полевое укрепление (редут) представляет собою замкнутую оборонительную постройку, усиленную преградой штурму (наружным рвом, искусственными препятствиями) и самостоятельную в смысле обороны: защитники ее не должны рассчитывать на поддержку своих войск, а обороняться сами от атак со всех сторон.

Строится редуты большей частью на одну роту пехоты. Длина линии огня рассчитывается, полагая по 1—2 шага на человека, так что в редуте на роту длина получается в 420—560 шагов.

Углы между фасами закругляются, чтобы не было резких переломов, хорошо заметных издали.

Профиль укрепления с наружным рвом.

Наши, траверсы, козырки и блиндажи устраиваются в укреплениях таким образом, как и в стрелковых окопах, но имея виду, что на постройку укреплений времени назначается больше, чем на постройку окопов, а также, что укрепления должны быть приспособлены к более упорной обороне, в них следует устраивать и блиндажи против цельных гранат, снаряженных сильно взрывчатыми веществами.

Убежища для гарнизона укреплений устраиваются шагах в 100—150 позади самого укрепления, чтобы преохранить от напрасных потерь, во время обстреливания артиллерийским огнем. Убежища соединяются с укреплениями ходами сообщения.

Наблюдательные пункты (посты) в укреплениях желательно устраивать на каждом фасе, за исключением горжевого и непременно устраивать над ними покрытия, чтобы часовые могли бдительно наблюдать за противником.

Ходы сообщения устраиваются внутри укрепления для быстрого занятия линии огня. Обыкновенно ходами сообщения соединяют выход из укрепления с напольным и боковым фасами. Если они обстреливаются продольно, то их изламывают или устраивают траверсы.

Отхожие места располагаются вне укреплений, примыкая обыкновенно к ходу сообщения.

Постройка полевых укреплений может производиться поспешным способом, когда времени для работы очень мало (до 6 часов) и обычным, когда времени сутки и больше.

Работы по постройке укреплений состоят из работ подготовительных и исполнительных.

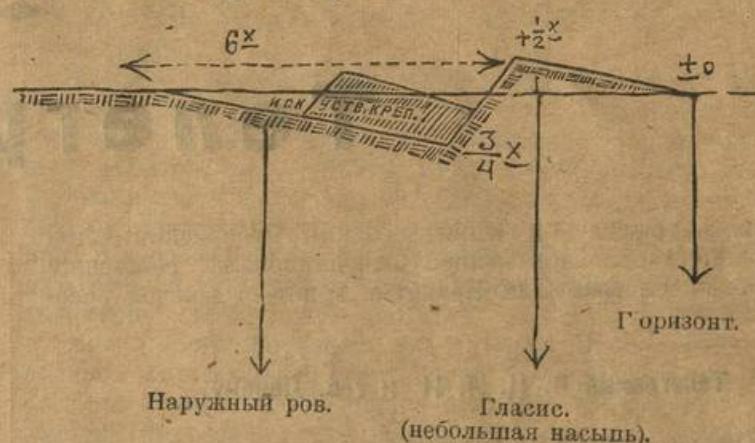
К подготовительным работам относятся: 1) выбор места и разбивка укрепления (применение его к местности), 2) соображения об его устройстве, применяясь к местным условиям (направление неприятельского и своего огня, характеру местности), 3) расчет работ, 4) траксировка и 5) расстановка рабочих.

К исполнительным — самая постройка укрепления, т. е. земляные работы, устройство блиндажей и другого рода закрытий и искусственных препятствий.

Форма редута в плане зависит от желательного направления выстрелов и от местности.

На местности ровной редуту придают обыкновенную форму 4-х или 5-ти угольника, стороны которого называются фасами. Различают фасы: напольные — аа, боковые — бб, горжевые — гг.

Напольные фасы назначаются для фронтального огня; боковые — для огня в стороны (обстреливания подступов к соседним участкам) и горжевые на случай обхода неприятелем тыла.

При достаточности времени подготовительные работы можно вести более тщательно и постройка будет производиться правильнее.

При недостаточности времени придется подготовительные работы заканчивать как можно скорее, чтобы раньше начать постройку.

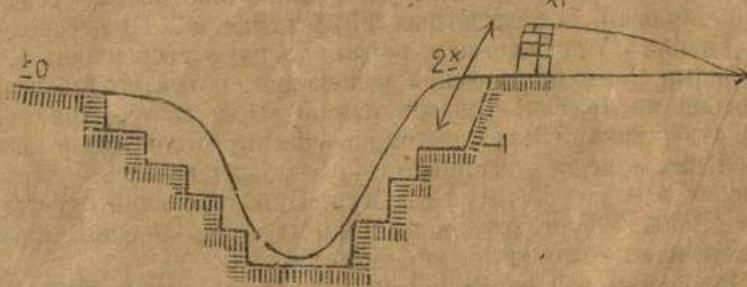
IV. Приспособление к обороне местных предметов.

Желая воспользоваться для обороны различными местными предметами, встречающимися на позиции, их обыкновенно приспособляют к обороне, т. е. приводят в такое состояние, чтобы они доставляли закрытие расположенным за ними войскам и в то же время были удобны для стрельбы из-за них.

Всякий местный предмет желательно приспособлять к обороне для стрельбы стоя: получается лучшее закрытие и удобное положение для стрелка, при недостатке времени приспособляют для стрельбы с колена.

Канавы, ямы и мелкие рвы приспособляются к обороне обращением их в ров стрелкового окопа, для чего врезается в их передний откос так, чтобы было удобно стрелять с колена или стоя, в зависимости от глубины канавы или ямы. Овраги и глубокие рвы приспособляют к обороне, зашивая передний или задний край.

Приспособление к обороне переднего края оврага.

Дороги также приспособляются к обороне.

Живые изгороди могут служить только, как закрытия от взоров неприятеля, но не от выстрелов.

Плетни так же, как и изгороди, закрывают только от взоров.

Деревянные заборы также дают закрытия лишь от взоров.

Железные решетки представляют довольно сильную преграду штурму и мало страдают от фронтального артиллерийского огня.

Приспособление к обороне деревни (селения).

Деревни и селения очень часто приспособляются под опорные пункты позиции. Они укрывают занимающие их войска от взоров и отчасти от выстрелов, особенно от шрапнели. Затрудняют атаку, приуждая противника двигаться по улицам узким фронтом, часто без взаимной связи, чем способствуют упорной самообороне.

Главным недостатком всяких селений являются пожары и разрушения построек, производимые артиллерийским огнем.

Приспособляя к обороне деревню, устраивают главную оборонительную линию на самой ее окраине или впереди, таким образом, чтобы получить хороший обстрел,

как фронтальный, так и в стороны, по подступам к соседним участкам и позиции. Если главная позиция расположена впереди селения, то его опушка приспособляется, как вторая линия обороны.

Приспособление к обороне опушки леса.

При занятии леса главные оборонительные работы состоят в приспособлении к обороне опушки леса.

С этой целью, прежде всего перед ней расчищают обстрел на 400—600 шагов, вырубая отдельные деревья, кустарник и группы деревьев, затем вдоль опушки и в глубину леса разрабатывают сообщения и наконец приспособляют опушку для занятия стрелками. С последней целью, для лучшей маскировки, позицию располагают отступа от опушки вглубь шагов на 20—30.

Унжев.

(Продолжение следует).

Телеграммы.

29 июля закрылся 4-й Нижегородский Губернский Съезд Советов, единогласно, под пение Интернационала, решивший приветствовать телеграммами Красную Армию и вождей революции.

Телеграмма В. Ц. И. К. и тов. Ленину.

IV Нижегородский Губернский Съезд Советов горячо приветствует Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет во главе с тов. Калининым, а также вожды мировой революции тов. Ленина, с полной уверенностью в том, что близкая победа над контр-революцией укрепит власть Советов во всем мире на всегда.

Телеграмма тов. Троцкому.

IV Нижегородский Губернский Съезд Советов, открывшийся 25 июля, шлет горячее приветствие сражающейся на всех фронтах Социалистической Красной Армии и ее вождю тов. Троцкому.

Телеграмма Красной Армии.

IV Нижегородский Губернский Съезд Советов, заслушав сообщение о занятии Красной Армиею Челябинска—приветствует Красную Армию и ее вождей, выражая твердую уверенность в торжество победы над контр-революционными бандами.

Телеграмма III Коммунистическому Интернационалу.

IV Нижегородский Губернский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов горячо приветствует III коммунистический Интернационал, как боевой союзный штаб мировой Социалистической революции. Нижегородский Губернский Съезд Советов выражает твердую уверенность в том, что знамя коммунистической революции, поднятое рабочими и крестьянами России, развернется по всему миру. Нижегородский Губернский Съезд Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов приветствует дружественную Советскую Венгрию и ее вождя тов. Бела-Кун. Нижегородский Губернский Съезд приветствует трудящиеся массы всей Западной Европы, восстающие против гнета мирового капитала.

Долой мировой капитализм! Да здравствует мировая Социалистическая Революция под знаменем III Коммунистического Интернационала.

Об обеспечении семей красноармейцев.

Поезд Троцкого, 2 августа. Троцкий в приказе за № 129, отмечая, что декрет Совнаркома об обеспечении семей красноармейцев пайком далеко не везде выполняется, заявляет, что этому должен быть положен конец. Семьи красноармейцев должны быть обеспечены. Достигнуть этого можно лишь строжайшей проверкой на местах, с привлечением к ответственности советских учреждений, не проявляющих должной заботы. Посему Революционным Военным Советом приказывается призвать приказами по армии всех красноармейцев, получающих с родины вести о неудовлетворении их семей, немедленно представить такие письма, или заверенные с них копии, комиссару своей части для представления в Революционный Военный Совет. Революционным Военным Советам немедленно ставить в известность уездного военного комиссара, на которого возлагается обязанность строго проверить на месте жалобу с привлечением виновных и добиться удовлетворения законных прав семей красноармейцев.

Щадите пленных.

Тов. Троцкий в приказе по южному фронту в связи с начавшимся нашим наступлением, между прочим, говорит:

«Все товарищи красноармейцы, командиры, комиссары, пусть ваш справедливый гнев направляется только против неприятеля с оружием в руках. Щадите пленных, даже если это заведомые кегдани. Среди пленных и перебежчиков будет не мало таких, которые по темноте или из-под палки вступили в деникинскую армию. Деникинские генералы распространяют среди насильно мобилизованных ими солдат и младших офицеров лживые слухи, будто красные войска истребляют пленных. Этим путем деникинцы стремятся, с одной стороны, запугать своих солдат и офицеров, чтобы удержать их от перехода на нашу сторону, а, с другой—ожесточить свои войска и довести их до зверских потрясений над рабочими и крестьянами.

Тем важнее для нас показать деникинским солдатам и офицерам, что мы истребляем только врагов. Кто приносит повинную, кто переходит на нашу сторону с чистым намерением, или кто попадает к нам в руки, как пленник—тому пощада.

Пленных ни в коем случае не расстреливать, а направлять в тыл по указанию ближайшего командования».

Разгром Колчака.

САМАРА, 3 августа. По полученным сведениям Колчак собрал последние резервы в количестве 3 дивизий: 11, 12 и 13. Этот ударный кулак под личным руководством Колчака повел наступление на Челябинск. Везде севернее и южнее Челябинска происходили ожесточенные бои. Враг вдребезги разбит. Из состава 11 дивизии взято 5 тысяч пленных, 13 дивизии — 4 тысячи, 12 дивизия окончательно разгромлена. Всего захвачено 15 тысяч пленных, 4 тысячи груженых вагонов, 100 паровозов, огромные склады снаряжения и продовольствия. Эта победа означает разгром живых сил Колчака. (Тлф. Роста).

Ужасы Деникинского владычества.

КОЗЛОВ, 8 августа. В Таганрогском округе карательные отряды совершают налеты на крестьянские села и жестоко расправляются с дезертирами или с замеченными в симптиях к Советской власти. Отряды собирают огромные контрибуции, реквизируют белье, хлеб и фураж, часто не уплачивая ни гроша.

Мобилизация скота у самых консервативных слоев крестьянства вызвала открытый ропот и недовольство, так как командование добровольческой армии платило лишь одну десятую стоимость лошади. Настроение крестьян резко враждебно к установленному режиму. Попадающиеся нелегальные газеты и листовки читаются с большим вниманием.

Донские деньги населением принимаются неохотно: рубль Керенский — за два рубля донских; чувствуется недостаток мелких денежных знаков.

Функционирует городская окружная стража, состоящая в большинстве из бывших городовых. Процветает взяточничество. Отношение стражи к населению грубое, запосчивое.

Попытка установить твердые цены на хлеб и мясо окончилась неудачей. Мануфактура и сахар на рынке отсутствуют. Продовольственные аппараты, ростовский и таганрогский, бездействуют. Города снабжаются спекулянтами.

В гарнизоне применяется дисциплина по уставу времен самодержавия; питание плохое, но поскольку дней не выдают хлеба, вследствие чего среди солдат растет недовольство. В городе даже среди казаков замечается недовольство Деникиным. Гарнизон состоит из мобилизованных, которым не доверяют. Командный состав относится к рядовым пренебрежительно, а последние враждебно к командирам. Все мобилизованные ходят в своей одежде.

Лазареты переполнены. Ощущается недостаток медицинского персонала. Мобилизованы поголовно все медики, студенты и курсистки. Острый недостаток медикаментов.

В Ростове все школьные и увеселительные помещения заняты лазаретами. Белья совершенно нет, раненых часто не переведают. Оборудование производится путем пожертвований и реквизиций. Питание скверное, больные ходят по городу, прося милостыни. Увольнение раненых в отпуск почти не применяется.

В Царицыне, на мосту, повешены 3 коммуниста, с надписью «партийные работники». У пленных вырезают ленты кожи, отрезают уши, носы, бьют плетьми.

Рабочих посада Дубовки, не желавших воевать против красных, выставили в три шеренги и расстреливали.

(Роста).

Колчак сломлен.

(Беседа с командующим восточным фронтом тов. Фрунзе).

В беседе с нашим сотрудником т. Фрунзе сказал:

— Колчак сломлен и разбит на $\frac{1}{6}$. Некоторые резервы у него все же еще имеются и сопротивление он будет еще оказывать, задерживаясь на удобных рубежах. Но по существу спор с Колчаком решен. Его последнее контр-наступление под Челябинском, где он собрал свои последние силы, нам известно уже из газет, окончилось для него полнейшим крахом. Разложение в частях еще более увеличилось: одна из дивизий противника взбунтовалась, арестовала начальника дивизии и доставила его нам.

Настроение населения в местах, занимаемых нашими войсками, всецело в нашу пользу. Связь с Туркестаном будет прочной, так как киргизская масса идет всецело за нами. В настоящее время они готовятся к всекиргизскому съезду. Одним словом, налицо все данные, что при разумной политике наших органов, особенно продовольственных, Советская власть закрепится здесь прочно.

На-ряду с блестящими успехами центра и левого фланга нашей восточной армии правое ее крыло у Оренбурга как будто отставало от общего темпа. Эта задержка обясняется следующим образом: этот участок имел второстепенное отношение. Все внимание и значительное количество сил было отвлечено на другие участки. Но теперь, когда на главном направлении вопрос разрешен в более чем благоприятном для нас смысле, принятые меры к ликвидации и этого пункта. Самое большое в месячный срок, а вернее даже и раньше, операция будет закончена.

Уже в настоящее время район между Оренбургом и Уралом очищен, весь северный берег Урала занят нами, к югу наше наступление развивается вполне успешно, и на днях ожидается занятие Лбищенска, этой второй столицы Уральской области.

Помимо указанной выше причины нашей задержки у Оренбурга, нужно отметить также на-редкость яростное сопротивление, оказываемое нам уральскими и яицкими казаками. В громадном большинстве своем очень зажиточные, они проявляют себя необычайными жестокостями. Отступая, казаки сжигают станицы, зажигают степь, портят воду и т. д.

Оренбургское казачество менее контр-революционно. Бывали случаи, когда после более или менее значительного поражения они обращались к нам с предложением о переговорах, ища почвы для примирения.

В заключение тов. Фрунзе высказал твердое убеждение, что мы, так блестяще разделавшись на восточном фронте с Колчаком, в течение ближайших двух месяцев справимся и с Деникиным.

— Несмотря на временные поражения, — говорит тов. Фрунзе, — я смотрю на будущее чрезвычайно оптимистично. Все те неблагоприятные явления, которые наблюдаются на южном фронте, имели место в свое время и на восточном. Но как показал нам уже опыт, с приближением врага и населения, красноармейские части быстро отрезвляются.

Что касается западного фронта, то прибытие туда союзных войск совершило немыслимо, польские же, румынские и финские паемники нам не страшны.

К.

(«Изв. В. Ц. И. К.»).

Действия и распоряжения правительства.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ.

Совет Народных Комиссаров постановил увеличить с 1-го августа 1919 года красноармейцам жалование в тылу с 250 до 300 руб., а на фронте—с 350 до 400 руб. в месяц.

Председатель Совета Нар. Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

Управляющий делами В. Бонч-Бруевич.

Секретарь Л. Фотиева.

Москва, Кремль. 22-го июля 1919 г.

г) декрета Совнаркома от 20-го марта 1919 г. о запашке и засеве полей в хозяйствах призванных в армию красноармейцев, и постановление Народного Комиссариата Земледелия о праве отечествующих красноармейцев на землепользование (приказ Р. В. С. Р. 1919 г., № 680);

д) постановления центральной комиссии по борьбе с дезертирством от 7-го февраля 1919 г. (приказ Р. В. С. Р. 1919 г., № 381);

е) утвержденных Советом Народных Комиссаров «Правил выдачи ссуд семьям красноармейцев и добровольцев на поддержания их хозяйств». (Приказ Р. В. С. Р. 1919 г., № 1051);

ж) постановлений Совета Народных Комиссаров о поддержании их хозяйств (приказ Комиссаров от 3, 19 и 26 августа 1918 г. о сохранении за добровольцами, отправлявшимися на фронт, мест службы и среднего заработка) и декрета Совета Народных Комиссаров от 8 мая 1919 г., и других соответственных декретов и постановлений правительства..

2. О всех перебежчиках все воинские части, штабы, управление или учреждения, в коих они служили, обязаны срочно уведомить соответствующие земельные отделы и отделы социального обеспечения для лишения семей перебежчиков указанных в ст. 1 настоящего постановления прав.

Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин).

Член Совета Обороны Э. Склянский.

Секретарь Совета Обороны Л. Фотиева.

Москва, Кремль, 1 августа 1919 г.

О Т Ч Е Т

о состоянии IV-х курсов школы агитации и пропаганды, состоящих при Нижегородском комитете, за май, июнь и июль месяцы 1919 г.

Занятия начались 23-го мая.

Число курсантов было:

- 1. Красноармейцев-стипендиатов . . . . . 48 чел.
- 2. Красноарм.-вольнослушателей . . . . . 6 »
- 3. Моряков-вольнослуш. . . . . 7 »

Не военные:

- 1. Союза Комм. Молод. стипенд.:
    а) мужчин . . . . . 6 »
    б) женщин . . . . . 4 »

- 2. Других организаций Р. К. П.:
    а) стипендиатов мужчин . . . . . 11 »
    б) » женщин . . . . . 2 »

Приходящих:

- а) мужчин . . . . . 5 »
    б) женщин . . . . . 1 »

А ВСЕГО . . . . . 90 чел.

Число и месяц.	День.	Т Е М Ы Л Е К Ц И Й.	Число часов в день.	Кто читал.
Май.		I-я неделя.		
23	Пятн.	Официальное открытие Школы. Утверждение устава внутреннего распорядка.	2	Марын.
24	Субб.	Вступление к лекции о формах государства	1	Самохвалов.
25	Воскр.	Государственный строй в Англии.	3	Самохвалов.
	»	Дискуссия	1	Марын.
26	Понед.	Государственный строй во Франции.	3	Самохвалов.
26	Понед.	Дискуссия	1	Марын.
27	Вторн.	Государственный строй Америки и Швейцарии.	3	Самохвалов.
	»	Дискуссия	1	Марын.

28	Среда	История Смутного времени в России.	3	Самохвалов.
29	Четв.	Дискуссии	1	Марын.
—	—	Изменение форм государственности в России	3	Самохвалов.
—	—	Дискуссия	1	Марын.
Итого				23
II-я неделя.				
30	Пятн.	Рабочее движение до и в 1905 г.	3	Самохвалов.
—	»	Беседа по конспекту	1	Марын.
31	Субб.	Обзор и проверка прочит. лекции.	2	Самохвалов.
—	»	Дискуссия	1	Марын.
1	Воскр.	Государственная власть и ее значение в революционный период	2	Самохвалов.
—	»	Беседы по конспекту	2	Марын.
2	Понед.	Профессиональные союзы и их роль при диктатуре пролетариата	2	Самохвалов.
—	»	Разучение революционных песен	1	Марын.
3	Вторн.	Коммунизм и социализмъ, их значение для человечества	4	Самохвалов.
4	Среда	История рабочего движения	4	Храмов.
—	»	»	4	Храмов.
Итого				27
III-я неделя.				
6	Пятн.	История рабочего движения на За- паде	4	Храмов.
7	Субб.	Рабочее движение при I-м Интер- национале	2	Храмов.
8	Воскр.	Разучение революционных песен	1	Марын.
9	Понед.	Рабочее движение при II-м Интер- национале	2	Храмов.
10	Вторн.	История революционного движения в России в начале 19-го столетия.	2	Храмов.
11	Среда	История революционного движения в первой половине 19-го столетия (в России).	2	Храмов.
12	Четв.	История революционного движения в России в конце 19-го столетия.	2	Храмов.
Итого				15

IV-я неделя.		
13	Пятн.	История революционного движения в России в начале 900-х годов . . . . .
14	Субб.	Дискуссия на тему История революционного движения в России . . . . .
15	Воскр.	Торжество пролетарской революции и смерть вождей пролетариата Карла Либкнехта и Розы Люксембург . . . . .
—	»	Дискуссия . . . . .
16	Понед.	Дискуссия на тему История революционного движения в России . . . . .
—	»	Теория прибавочной стоимости . . . . .
17	Вторн.	Лекция по химии и ботанике (по 2 ч.). . . . .
18	Среда	Дискуссия на тему Революционное движение . . . . .
—	»	Материалистическое понимание Истории . . . . .
19	Четв.	Партии и партийные группировки . . . . .
—	»	Дискуссия . . . . .
Итого		
V-я неделя.		
20	Пятн.	Партии и партийные группировки . . . . .
—	»	Беседы по конспекту . . . . .
21	Субб.	Введение в лекцию—История партии . . . . .
22	Воскр.	История партии . . . . .
—	»	Разучение революционных песен . . . . .
23	Понед.	Программа Колчака . . . . .
24	Вторн.	Дискуссия и практическое изложение курсантами речей . . . . .
25	Среда	Введение в лекцию—Развитие общества . . . . .
26	Четв.	Развитие общества в период первобытного коммунизма . . . . .
—	»	Развитие общества. Патриархальная и натуральная эпоха . . . . .
—	»	Постановка курсантами бесплатного спектакля—«На бойком месте в Гор. Клубе для раненых красноармейцев . . . . .
Итого		
VI-я неделя.		
27	Пятн.	Развитие общества Эпоха феодализма (среднего вст.) . . . . .
28	Субб.	Экскурсия в типографию Наркомвоен наглядная лекция . . . . .
29	Воскр.	Развитие общества. Капитализм и его противоречия . . . . .
30	Понед.	Развитие общества. Милитаризм, социальная революция и общество будущего . . . . .
Июль	1 Вторн.	Церковь и Государство . . . . .
	2 Среда	Дискуссия по лекции—Развитие общества . . . . .
	3 Четв.	Красная армия и Флот—беседа по конспекту . . . . .
	»	Разучение революционных песен . . . . .
	»	Дискуссия на тему — Классовая борьба . . . . .
Итого		
VII-я неделя.		
4	Пятн.	Продовольственная политика Советской власти . . . . .
5	Субб.	Политическая экономия . . . . .
5	»	Школьное дело в Советской России . . . . .
6	Воскр.	Борьба классов . . . . .
—	»	Дискуссия . . . . .
7	Понед.	Политическая экономия . . . . .
8	Вторн.	Политическая экономия . . . . .
9	Среда	Беседа на тему—Карл Маркс . . . . .
10	Четв.	Экскурсия на завод Сормово—наглядная лекция . . . . .
Итого		
VIII-я неделя.		
11	Пятн.	Политическая экономия и заключительное слово о распуске курсов . . . . .
	»	Проверка прочитанного . . . . .
Итого		

I-й день экзамена.
12 июля, в субботу, присутствовали: т. т. Самохвалов, Храмов, Данилов и Марьин.

2-й день экзамена.
13 июля, в воскресенье, присутствовали: т. т. Самохвалов, Данилов, Храмов и Марьин.

3-й день экзамена.
14 июля, в понедельник, присутствовали: т. т. Данилов, Марьин, Ефремов, Сергушев, Храмов, Самохвалов и Белов.
15 июля, во вторник: назначение и отправка по местам.
Экзаменовалось 80 человек. Из них окончили:
с отметкой «хорошо» . . . . . 32 чел.
» «удовлетворительно» 36 »
» «слабо» . . . . . 10 »
» «плохо» . . . . . 2 »

ИТОГО . . . . . 80 чел.

Получили назначения:

В распоряжение Губкома . . . . . 10 чел.
Для работ в ячейках Красной Армии . . . . . 27 »
Политруками . . . . . 12 »
В Политотдел Волжской Воени. Флот. . . . . 10 »
В Агитационно-Пропаг. Отд. Нижегородского Губернского Комитета С. К. Молодежи . . . . . 11 »
В Губернский Комитет С. К. Молодежи . . . . . 8 »
В первоначальное состояние . . . . . 2 »

ИТОГО . . . . . 80 чел.

Назначены для срочной работы в Нижегородском Губернском Комитете . . . . . 2 чел.
Выбыло по уважительным причинам . . . . . 5 »
Исключены за дезорганизацию . . . . . 3 »

(Суслов, Соловьев и Шлыков).

Примечание. Согласно контрольного журнала, в котором расписываются т. т. лектора, число лекционных часов за IV-е курсы распределяются так:

1. Тов. Самохвалов	65	часов.
2. » Храмов	29	»
3. » Соколов	4	»
4. » Овсянников	2	»
5. » Мочалов	3 ¹ / ₂	»
6. » Панасевич	4 ¹ / ₂	»
7. » Данилов	27	»
8. » Ульянова-Ленина	1	»

ИТОГО . . . . . 135³/₄ час.

Все курсанты-стипендиаты без исключения удовлетворялись красноармейским пайком и жалованьем из оклада (250) **двести пятьдесят рублей** в месяц с 23-го мая по 15-е июля включительно.

Всего выдано по ведомостям (36148 р. 92 к.) **тридцать шесть тысяч сто сорок восемь руб. 92 к.**

По ремонту, на дрова и прочие расходы (6314 р. 48 к.) **шесть тысяч триста четырнадцать рублей 48 к.**

А всего (42463 р. 40 к.) **сорок две тысячи четыреста шестьдесят три руб. 40 к.**

На IV-х курсах перерывов в чтении лекций не было. Безусловно нужно как можно лучше наладить регулярное чтение лекций. И самим курсантам стараться развивать кружковые беседы, как-то: разбирать рефераты, чтение пособий вслух и упражнение в речах. Заведенные кружки (десятки) в Школе давали хорошие результаты и главное—не давали возможности отвлекаться любителям прогулок. Более опытные товарищи курсанты назначались в госпитали для бесед с красноармейцами. Существовала коллегия чтений для больных. Остававшиеся от лекции свободное время посвящалось строевым занятиям. Главная задача курсантов-коммунистов поддерживать строгую революционную дисциплину среди самих—ее значение сказывается на авторитете Школы.

Курсы закрыты 15-го июля. Набор новых слушателей начнется в последних числах июля.

За все время существования курсов с октября 1918 года училось 330 человек, в том числе 13 женщин. Выпущено агитаторов-пропагандистов и организаторов 191 человек.

Завед. школой агитации и пропаганды **Н. Марьин.**

ЖИЗНЬ ГАРНИЗОНА.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ.

Занятия за истекший месяц производились во всех школах гарнизона и, несмотря на то обстоятельство, что частые перегруппировки частей и перегруженность т.т. красноармейцев служебными обязанностями сильно влияют на развитие школьного дела среди Красной армии, все же часто наблюдается сознательное отношение к производимым занятиям, что еще больше способствует увеличению интереса красноармейских масс к просвещению и влияет в ряды сознательных товарищ свежие силы. Особенно ярко, по степени сознательности и жажде приобретения знаний, выделяется младший командный состав, который своим примером пробуждает многих заснувших от неведения и воскрешает к новой, сознательной жизни.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ.

Несмотря на то, что силами драматической секции положено много труда по постановке возможно большего количества спектаклей, интерес красноармейцев к таковым до такой степени разился, что часто помещения театра бывают переполнены и в силу необходимости приходится одну и ту же пьесу ставить несколько раз, но и тогда далеко не все желающие могут посетить театр. Чтобы дать красноармейцам возможность широко ознакомиться с драматическим искусством, во многих частях гарнизона, при содействии отдела ставятся спектакли в клубах и, кроме того, в загородном саду Культпросвета устраиваются бесплатные спектакли. За истекший месяц в Советском клубе для раненых, в Загородном саду, в клубах Рабочего батальона, Карабулаком полку, Командарме и 1-м Приволжском полку были поставлены следующие пьесы: «Первая ласточка», «Поздняя любовь», «Женитьба Бальзака», «Гибель Надежды», «В неравной борьбе», «На бойком месте», «Без вины виноватые», «Роковая ошибка», «Не все хотят масленица», «Враги», «Рабство», «Жертва эгоизма», «Не в свои сани не садись»; причем на каждом из этих спектаклей присутствовало от 250 до 500 красноармейцев и приблизительно такое же количество частных посетителей.

МУЗЫКАЛЬНАЯ СЕКЦИЯ.

Не меньший интерес для красноармейцев представляют часто устраиваемые музыкальной секцией симфонические концерты, как в закрытом помещении, так и на открытой сцене летнего загородного сада, общее число посетителей которого выражается приблизительно в следующих цифрах в месяц: красноармейцев 5000 человек и частных посетителей свыше 10.000 человек; кроме того одновременно с симфоническими концертами выступают солисты-сотрудники секции.

ОПЕРНАЯ СЕКЦИЯ.

Наибольший интерес возбуждает постановка в театре Культпросвета оперы и выступления солистов оперной секции, ибо, как театр во время оперы, так и сад во время выступления солистов, бывают буквально наводнены посетителями, преимущественно красноармейцами. За июль месяц поставлена четыре раза опера «Демон» и около десяти симфонических концертов с выступлениями солистов, каковыми все это время производятся репетиции опер «Майская ночь» и «Лакм».

ПЕВЧЕСКО-ХОРОВАЯ СЕКЦИЯ.

С оперным хором также все время ведутся усиленные занятия по подготовке к выступлениям в операх «Майская ночь» и «Лакм», а выделенными из хора инструкторами производятся с красноармейцами на местах занятия по обучению хоровому пению революционных гимнов. Результаты обучения вполне благоприятные.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТУДИЯ.

Регулярно производятся занятия с учениками студии; причем помимо красноармейцев, ежедневно присутствует от 10—15 человек частной публики. Программа лекций следующая: история искусства—В. А. Волошин, анатомия—доктор Михалкин. Практическая работа по рисованию производилась с живой натурой, а также и с приобретенных от отдела Народного

Образования гипсовых бюстов, голов и орнаментов. Особенный интерес красноармейцев проявился с момента об'явления начала масляной и акварельной живописи. Интерес настолько повысился, что этому вопросу было уделено некоторое время специально для выяснения задач искусства, способов работы и программы живописи, что и изменило до некоторой степени определенные часы занятий, увеличив на 2—3 часа для рисунков углем, тушевания карандашем и набросков с живой натурой.

АГИТАЦИОННО-ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЧАСТЕЙ ГАРНИЗОНА.

Особенно успешно протекают в области агитационного дела митинговые беседы, во время которых затрагиваются всевозможные вопросы текущей жизни, ибо все красноармейцы в одинаковой степени заинтересованы; кроме того, во всех без исключения частях гарнизона, а в частности в частях, где наблюдается большой наплыв дезертиров, ведутся беседы, устраиваются митинги и читаются лекции о вреде дезертирства, причем все беседы, митинги и лекции всегда отличаются необыкновенной живостью и непринужденностью, чем главным образом и об'является успех агитационного дела. Наряду с этими мероприятиями продолжается не менее успешная работа по политко-экономическому и нравственному развитию красноармейцев, кроме устной агитации и пропаганды, ведется агитация путем распределения между красноармейцами книг, брошюр, газет и листовок, преимущественно политического направления, а также открыты и продолжают организовываться и расширяться ротные, батальонные, полковые и т. д. библиотеки и читальни, каковые всегда переполнены красноармейцами, жаждущими познакомиться с происходящими событиями, вникнуть в смысл двух прошедших революций и усвоить понятия о важности той и другой. Глубоко заинтересованные происходящими событиями товарищами красноармейцами и в то же время стремясь к поднятию среди них товарищеской дисциплины, члены коммунистических ячеек, совместно с комиссарами частей, политическими руководителями и командирами от Агитационно-Просветительного отдела агитаторами стараются уравновесить расшатанные домашними неурядицами умы красноармейских масс и тем еще более укрепить в них веру в недалекое светлое будущее, которому всеми мерами препятствуют темные силы контрреволюционных агитаторов, влияющих в красноармейцев недоверие к существующей власти и старающихся подорвать ее авторитет. Указывая на необходимость просвещения и детально разбирая мероприятия в этом направлении Советской власти, выступающие на митингах и собраниях ораторы призывают красноармейцев к поддержанию дисциплины и порядка, дабы окончательно освободить социалистическую родину от посягательств на нее со стороны контрреволюции и тем еще более способствовать скорейшему приведению страны в нормальные условия жизни. Благодаря такой постановки агитационно-просветительной работы, политическое настроение красноармейцев значительно улучшается и даже существующие хозяйствственные затруднения не особенно резко критируются. Никаких конфликтов, как между красноармейцами и командным составом, так и последнего с коммунистическими ячейками не наблюдалось.

ИНСТРУКЦИЯ

для политических руководителей госпиталей и лазаретов
Нижегородского гарнизона.

1. Политрук является ответственным перед Агитпросветом за политическое состояние вверенного ему госпиталя.
2. Организует ячейку коммунистов или, за неимением их из сочувствующих больных и раненых красноармейцев; руководит и направляет деятельность ячейки.

Примечание. Ячейка работает по инструкции Ц. К. партии.

3. На обязанности политрука возлагается следующее:

1) вести не менее двух раз в неделю беседы на политические темы, по выработанным Агитпросветом. Отделом конспектам;

2) организует библиотеку-читальню, сам ведет техническую работу библиотеки, т. е. составляет каталог, выдает книги, следит за целостью книг и т. д.

Примечание. За всеми справками и указаниями по библиотечному делу обращаться в Библиотечную Секцию Агит. Просвет. Отдела.

3) Получает из Центропечати газеты и т. д. и снабжает таковыми больных и раненых, газет должно быть не менее, как 20—15 экземпляров на 100 человек, в противном случае за недостатком вывешивать таковые на стенах в определенных местах, вставляя газеты в определенные рамки.

4) С неграмотными организовывать чтения газет, книг и т. д. привлекая для этой работы всех грамотных тов. коммунистов и сочувствующих, которые могли бы не только читать, но и разъяснять о прочтении.

5) Следит за деятельностью школ грамоты, если таковые имеются, в противном случае организует таковую. Следит за посещаемостью школ и за преподаванием, заботится, чтобы не было недостатка в учебных пособиях и школьных принадлежностях.

Примечание. За всеми справками и указаниями о школах грам. обращаться в Школьную Секцию Агитационно-Просветительного Отдела.

6) В области украшения помещений политрук должен сделать следующее: все палаты госпиталя, особенно школа грамоты, должны быть украшены плакатами, флагами, картинами, портретами вождей и т. д.

7) В хозяйственном отношении политрук обязан следить за правильностью выдачи завтраков, обедов и т. д., а равно за качеством и количеством полагаемого продукта.

8) Следить за санитарным состоянием госпиталя.

9) Разбирать все могущие возникнуть конфликты больных с администрацией госпиталя и о всех ненормальностях и злоупотреблениях со стороны администрации докладывать комиссару госпиталей.

10) Политрук принимает все телефонограммы, распоряжения о тех или иных постановках спектаклей, концертов и т. д. для раненых и больных вне госпиталя в том, или ином клубе, театре. Политрук обязан своевременно извещать больных и сопровождать таковых.

11) Политрук отчитывается о своей работе один раз в неделю перед Агитпросветом в виде письменного доклада.

Начальник Агитационно-Просветительного Отдела

Нижгубвоенкома Ефремов.

Первый Нижегородский выпуск Красных Командиров.

2-го августа, в городе Нижнем-Новгороде в Советском клубе, состоялось торжество по случаю выпуска красных командиров курсами Губвоенкома.

Этот выпуск можно назвать смело первым выпуском красных командиров в нашем городе, так как Нижегородские Пехотные Командные курсы, состоящие в ведение Главного Управления Военно-Учебных заведений, систематического выпуска не сделали, вследствие отправки курсантов перед выпуском на фронт, производство же в красные офицеры курсантов, возвратившихся с фронта, происходило незначительными группами внутренним случайнм порядком, курсы же Губвоенкома, завершив определенный план занятий, выпустили весь свой состав.

Интересна и история этих курсов. Проникнутого пролетарским духом командного состава в Красной армии недостаточно, старый унтер-офицерский состав старой армии самый подходящий слой для заполнения командных должностей; но ему недостает теоретических знаний, требуется соответствующая подготовка. Действующие от Главного Управления военно-учебных заведений курсы не могут вместить всех желающих, да, кроме того, они расчитаны на длительное воспитание (8 месяцев), положение же требует более быстрых мер, все это привело Нижегородского Губернского Комиссара тов. Мордовцева к мысли создать особую школу с ускоренным курсом, исключительно для подготовки к командным должностям бывших унтер-офицеров.

Свой проект т. Мордовцев изложил т. Троцкому в бытность его в Нижнем-Новгороде, т. Троцкий вполне сочувственно отнесся к этой мысли, отпустил необходимые средства, и школа была создана в виде дополнительного старшего отделения при полковой школе командного состава (бывшая учебная команда) N запасного стрелкового полка. Занятия открылись 5 мая, с 28 же июля начались экзамены. Воспитанниками являлись исключительно унтер-офицеры старой армии, в количестве 56 человек. Испытание знаний превзошло всякие ожидания: товарищи-курсанты показали себя не только хорошими практиками, но и пре-восходно разбирающимися в теоретических вопросах; задача была выполнена: унтер-офицеры оказались вполне подготовленными к занятию инструкторских должностей в Красной армии. Кроме того, их классовое положение—рабочие крестьяне-бедняки и небольшая часть крестьян-середняков—лучший залог, что они не сдадут завоеваний пролетарской революции, что они свой громадный практический военный опыт, восполненный теоретическими знаниями обратят на уничтожение эксплуататорской машины и на установление господства трудящихся, ибо товарищи показали, что они, добыв в школе, отряхнули

навыки, привитые им искусственно в старой буржуазной армии, получили ясное понятие о правде жизни, смысле и цели своего существования, что они—крепкие, сильные сыны мозолистого люда, проникшиеся его идеалами и стремлениями.

На торжество выпуска прибыли: от Губисполкома—председатель т. Каганович и тов. председателя т. Карклин; от Губернского Комитета Р. К. П. (большевиков) т. Кутузов; Окружной Военный Комиссар т. Хомутов; Губвоенком т. Мордовцев; Заведующий Агитпросветом т. Ефремов; Губвоенрук т. Скрябин; представители Управления запасных войск Округа, общественных и правительственные учреждений гор. Н.-Новгорода, комиссары и командиры частей гарнизона и пр.

Все собрались в Большом зале Клуба. Красные офицеры стоят рядами сбоку эстрады, оркестр играет Интернационал.

Торжество открывает краткой речью Комиссар курсов т. Санаев, который поздравляет курсантов с получением высокого почетного звания—Красного Командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии и призывает их к неослабному служению делу освобождения от рабства и угнетения трудящихся не только России, но и всего мира.

Тов. Каганович приветствует новых пролетарских офицеров от имени Губернского Исполнительного Комитета и Губернского Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). Тов. Каганович отмечает, что курсы, где получили воспитание красные командиры, возникли стихийно, выдвинуты самой жизнью, есть плод самодеятельности масс; это показывает, насколько сильно нуждаются рабоче-крестьянские массы в своих собственных командах для своей Красной армии, какие большие надежды возлагаются революционным народом на красных командиров. Они—остов Красной армии, они—спайка ее с трудовыми массами, они—вышедшие из ведра крестьянства и рабочих, от сохи и станка, способны повести Красную армию к полной победе. Буржуазия дрожит, когда видит вооруженный рабочий народ с собственными командарами. В дружной товарищеской работе красноармейцев и красных командиров—залог успеха в борьбе с эксплуататорами. Смело вперед! Борьба горит во всем мире. Час победы недалек. Да здравствует мировая революция! Да здравствует Красная армия и ее красные командиры! Да здравствует вождь Красной армии тов. Троцкий».

Тов. Мордовцев приветствует красных командиров от имени Губернского Военного Комиссариата, он обрисовал положение солдата и офицера в старой армии, где солдат не был человеком и где между ним и офицером зияла пропасть. Указал, что в новой, Красной армии—солдат и начальник составляют одно,

близкое, родное. Командный состав из бывшего офицерства не может близко подойти к красноармейцу, лишь командиры из рабочей и крестьянской семьи могут самостоятельно вести к единой воле—к торжеству революционных идей, и на этот путь должны встать красные командиры.

Речи ораторов покрывались бурными аплодисментами, мгновенными криками «ура» и победными звуками оркестра.

От имени курсантов, преподавательского и инструкторского состава курсов отвечал Комиссар курсов т. Санаев, который заверил, что вышедшие из школы красные командиры выполнят свой долг перед революцией и трудящимися массами и поведут Красную армию к победе, не останавливаясь ни перед какими жертвами с своей стороны.

После этого т. Мордовцевым было предложено послать телеграмму т. Троцкому—приветствовать его от имени новых красных командиров, как вождя Красной армии, и как способствовавшего организации курсов.

«Да здравствует т. Троцкий! раздается возглас, покрытый криками «ура» и аплодисментами в честь революционного вождя армии рабочих и крестьян.

Затем началось вручение свидетельств о звании красного офицера. Из 56 человек получило звание: ротного командира—1, 12 помощников командира роты и 43 взводного командира. Все они распределены по частям гарнизона.

Момент вручения т. Мордовцевым свидетельств был сфотографирован, затем были сфотографированы все новые инструктора во главе с т. т. Мордовцевым, Скрябиным и Санаевым и преподавателями и командным составом.

Прибывший Окружной Военный Комиссар т. Хомутов поздравил курсантов с производством и выразил уверенность, что они будут не только воинами и начальниками, но и работниками по поднятию культурного уровня масс и сумеют развить красноармейцев до полного сознания ими смысла и целей борьбы.

Все присутствовавшие были приглашены на обед. Все торжество прошло с большим подъемом. Все спаялись единым революционным горением. Красные командиры показали себя превос-

ходно воспитанными сознательными революционерами, активно принимали участие в торжестве: произносили речи и чествования.

Так, т. Кисляков приветствовал Губернскую Советскую власть в лице председателя Губисполкома т. Кагановича и Губвоенкома т. Мордовцева и Скрябина. Тов. Гусев в выдержанной ясной речи обрисовал то положение, в котором находится Советская Республика, указал на задачи, стоящие перед нами, красными командирами, и поклялся от своего и товарищей имени, что они эти задачи выполнят до конца.

Тов. Каганович в ответной речи высказал то глубокое впечатление, какое на него произвели красные офицеры своей революционной решительностью, сознательностью и дисциплинированностью, показывающие, что воспитание их проходило в условиях главным образом глубокой работы коммунистического духа.

Тов. Самохвалов в образной речи, сказанной былинным языком, указал, что поднимается новый Илья Муромец, одиозирующий Русь сермяжную,—пролетарский командный состав; что у этого Ильи Муромца нет трех дорог, есть одна—уничтожить Соловьев-разбойников и их налады, обращая в местожительство трудающих.

Тов. Мордовцев, отмечая значение курсов, указал, что результаты, какие дали они в такой короткий срок, могли быть достигнуты лишь напряженной, дружной работой воспитателей и воспитанников,—работа воспитателей и должна быть отмечена.

Комиссар курсов т. Санаев от имени курсов благодарит присутствующих за то внимание, которое они уделили красным командирам, что красные командиры этого торжественного дня никогда не забудут и отпраывают дальнейшей своей деятельностью все те надежды, которые на них возлагаются. От имени курсов приглашает гостей на концерт в 10 час. вечера.

Вечером состоялся концерт. Вход был по пригласительным билетам; громадным стечением публики ознаменовал гор. Н.-Новгород торжество красных командиров, первый их выпуск.

М. И. Санаев.

Долой цепи рабства, темноты, невежества.

Долгие годы старое царское правительство держало народ в темноте; оно ставило всякие преграды, всякие тормозы, чтобы не дать русскому народу образования, не дать ему умственного развития, не дать ему просвещения. Давая образование небольшой кучке аристократов, дворян, купцов, интеллигенции, правительство великодушно понимало, что темные широкие массы народа можно было держать в подчинении. Если и были отдельные случаи, когда пролетарий, проходя через все преграды, добивался образования, то ведь такие случаи очень редки.

Эксплоатация человеческого труда возможна только при крайне низком уровне развития народа. Эксплоататоры, помещики, купцы, наши духовные эксплоататоры-попы и все буржуазные прихлебатели, все кричали, что нужно просвещать наш темный народ, но это было только на бумаге, по не проводилось в жизнь. Народ тянул трудную лямку, целые века, рабски служил царизму; виной этому была темнота, забитость, непросвещенность. В феврале 1917 года пролетариат восстал и свергнул царскую власть. Но, будучи еще недостаточно подготовленным, он не взял сразу власть в свои руки; у власти были те же помещики-ботчи (либералы). Произошла Октябрьская революция. Пролетариат окончательно освободился от гнета буржуазии и взял власть в свои руки. Взял власть и занялся улучшением своей экономической-культурной жизни. Для успешного развития народных масс нужно знание, раньше наука служила буржуа-

зии для эксплуатации темных масс. Теперь наука, культура служит пролетариату. Раньше образование было доступно только тем, кто имел деньги. Теперь просвещение должно быть доступно для всех.

Вспомню слова одного ученого, который сказал, что варвары лучше устроят свою жизнь, у которых школ будет больше. Наше Советское правительство, наши лучшие вожди пролетариата все силы употребляют на просвещение народа, на улучшение его жизни. Только тогда мы будем жить светлой, счастливой свободной жизнью, когда у нас не будет темноты, непросвещенности, а будет одна дружная большая об'единенная семья, воспитанная на началах коммунизма. Нужно помнить, что наш близкий и опасный враг есть прежде всего наша темнота, невежество. Нужно сейчас в период титанической классовой борьбы, получать образование. Темнота является огромнейшим злом, с которым придется нам долго и долго еще бороться.

Так посещайте же, товарищи красноармейцы, рассадники просвещения. Посещайте все то, что создано для вашего культурного развития: школы грамоты, библиотеки-читальни, концерты и пр. Посещайте все, что радостно и светло действует на вашу душу, что дает радость жизни, что просветляет человеческий разум. Только тогда и освободится человечество от духовного и экономического рабства.

И. Гончаров.

ОТКРЫТИЕ УНИВЕРСИТЕТА.

Во второй половине июля месяца открыт для красноармейцев университет в Тобольских казармах.

Под университет отведен барак 92-й. Занятия ведутся по вечерам, с 7 до 9 час. ежедневно.

Программа занятий:

Политическая грамота, история общей литературы, санитарное просвещение (приказ войскам восточного фронта, № 88), кооперация, агрономия.

Программа будет соответственно требованиям аудитории и наличием лекторских сил расширяться. Посещаемость университета до 100 чел.

Одним красноармейцем доставлено в редакцию стихотворение по поводу открытия университета, мы с удовольствием его печатаем:

К открытию красноармейского университета.

(Тобольские казармы, Арзамасское шоссе, барак 92).

В казарме, солицем освещенной,
Гремит Интернационал,
И в песне вольной, вдохновенной
Звучит: «Рассвет в стране настал»!..
Казарма полна наарода:
Победу празднует здесь он,

Где прежде плакала Свобода,
И где оружья был лишь звон...
На стенах—витязи Свободы,
Картины родины висят.
«Ушли, ушли тиранства годы!»—
Они как будто говорят.
Листвой зеленою одеты
Окно и стены, потолок...
С трибуны радостно приветы
Судят солдатам ясный рок.
Рукоплесканья... Марш за шумом
Говор, звон!.. Летит привет:
Цвети народ под солнцем юным!
Да здравствует университет!

Красноармеец **Славянин-Финский**.

РЕБУСЫ, ЗАГАДКИ И ШАРАДЫ.

Ищи ты первое мое в забавах зимних детских,
Второе в первом лепете ребенка ты найдешь,
Предлогом служит мое третье,
А целое—за что ты жизнь кладешь.

Мой первый слог—герой войны девятьсот первого года,
Отбрось от насекомого конец—получишь ты второе,
Последнее—есть колыбель великая народов,
А целое, товарищ, близкий недруг твой.

Когда в душе горит огонь обиды,
Рев пушек слышен на полях,
А люди гибнут и не видят
Свободы яркой в рабстве и цепях,
Не знаю я сомнений и неверья,
А вижу светлое святое впереди.
Ярмо цепей и лицемерья
Антантя к нам не донести.
Раздастся вольный клич повсюду,
Мы встанем, как один народ,
И в той борьбе простому люду
Я знаю, кто свободу принесет.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Военно-Полевой Революц. Трибунал (Комис. „Трех“) при
Губкомдезертир в заседании своем **от 17-го июля 1919 г.**

в 2 часа утра постановил

Именем Российской Социалистической Федерат. Советской Республики:

1) Дезертира *Котикова, Ивана Васильевича*, происходящего из гр. Ниж. губ Семенов. уезда, Богоявленской волости, д. Максимиха, как добровольно явившегося в отряд и злостного, **РАССТРЕЛЯТЬ**. Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года, со дня вынесения настоящего приговора.

2) Дезертира *Маслова, Федота Васильевича*, происходящего из гр. Костромской губ., Ковернинского уезда, Бортновской волости, с. Бортна, как добровольно явившегося в отряд и злостного **РАССТРЕЛЯТЬ**. Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года, со дня настоящего приговора.

3) Дезертира *Абрамова, Семена Даниловича*, д. Желнухи, Хахальской вол., Семеновск. уезда, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.)

4) Дезертира *Солодкова, Ефима Степановича*, д. Казанцево, Хохломской вол., Семеновск. уезда, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.).

5) Дезертира *Морозова, Павла Зиновьевича*, д. Казанцево Хохломск. вол., задержанного отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.)

6) Дезертира *Кузнецова, Лариона*, д. Максимиха, Богоявленской вол., задержанного отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.).

7) Дезертира *Кобурасова, Вас. Вас.*, д. Максимиха, Богоявленск. вол., задержанного отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.).

8) Дезертира *Шведова, Ал-ра Ефимовича*, той-же деревни, задержанного отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 17 июля с. г.).

9) Дезертира *Баранова, Мих. Арсентьевича*, той-же деревни, задерж. отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор прив. в исп. в 6 час. утра 17 июля с. г.).

10) Дезертира *Сироткина, Ал-ра Мих.*, д. Сафонова, Костр. губ., Варнавинск. уезда, задержан отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполн. в 6 час. утра 17 июля с. г.).

11) Дезертира *Кузнецова, Конст. Мих.*, д. Максимиха, Богоявленск. вол., задержан отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполн. 17 июля с. г.).

12) Дезертира *Евсеева, Василия Григорьевича*, д. Здоровово, Контауровской волости, задержан отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор прив. в исполн. 17 июля с. г.).

13) Дезертира *Аверьянова, Федота Петр.*, д. Никитино, Ямновской вол., задерж. отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполн. в 6 час. утра 17 июля с. г.).

14) Дезертира *Кузнецова, Константина Павловича*, с. Васильково Дрозд. вол., задерж. отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор прив. в исполн. в 6 час. утра 17 июля с. г.).

15) Дезертира *Колобянникова, Ал-дра Андреевича*, д. Максимихи, Бог. вол., задержанного отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (приговор приведен в исполн. в 6 час. утра 17 июля).

Военно-Полевой Революционный Трибунал

при особой Чрезвычайной Комиссии „ТРЕХ“

ОБ'ЯВЛЕНИЕ

Военно-Полевой Трибунал (Комиссии „ТРЕХ“) при Губкомдезертир в заседании своем
от 20-го июля 1919 г. постановил

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:

- 1) Обвиняемого дезертира *Карпова, Степана Михайловича*, д. Платинки, Ивановской волости, Макарьевского уезда, задержанного отрядом и при его задержании обнажил штык на красно-армейца отряда—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполн. в 6 час. утра 20 июля с. г.).
- 2) Обвиняемого дезертира *Короткова, Николая Михайловича*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом дома—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).
- 3) Обвиняемого дезертира *Бурова, Ивана Федоровича*, д. Ежево, Юрсовской вол., Семеновского уезда, задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд, как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 ч. утра 20 июля с. г.).
- 4) Обвиняемого дезертира *Федотова, Афанасия Федоровича*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).
- 5) Обвиняемого дезертира *Федотова, Ивана*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд, как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).
- 6) Обвиняемого дезертира *Ястребова, Ивана Тихоновича*, д. Семиц, Ямновской волости, Семеновского уезда, бежавшего из части с поддельными документами, РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года со дня вынесения настоящего приговора).
- 7) Обвиняемого дезертира *Жарова, Герасима Павловича*, д. Ежево Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного в лесу отрядом и при попытке его задержать, убежал и явился в другой отряд—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).
- 8) Дезертира *Корнеева, Тимофея Павловича*, д. Кожевлева, Пятницкой волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года со дня настоящего приговора).
- 9) Дезертира *Максимычева, Евгения Ильича*, д. Греннина, Зиняково-Смольковской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 20 июля с. г.).
- 10) Обвиняемого дезертира *Макарова, Максима Андреевича*, д. Остреево, Чистопольской волости, Семеновского уезда, дважды бежавшего—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 20 июля с. г.).

Военно-Полевой Революционный Трибунал
при особой Чрезвычайной Комиссии „ТРЕХ“

20-го июля 1919 года.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Военно-Полевой Трибунал (Комиссии „ТРЕХ“) при Губкомдезертир в заседании своем
от 20-го июля 1919 г. постановил

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:

1) Обвиняемого дезертира *Картова, Степана Михайловича* д. Платинки, Ивановской волости, Макарьевского уезда, задержанного отрядом и при его задержании обнаружил штык на красно-армейца отряда—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполн. в 6 час. утра 20 июля с. г.).

2) Обвиняемого дезертира *Короткова, Николая Михайловича*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом дома—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).

3) Обвиняемого дезертира *Бурова, Ивана Федоровича*, д. Ежево, Юрсовской вол., Семеновского уезда, задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд, как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 ч. утра 20 июля с. г.).

4) Обвиняемого дезертира *Федотова, Афанасия Федоровича*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).

5) Обвиняемого дезертира *Федотова, Ивана*, д. Ежево, Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом и при попытке задержать его убежал и явился в другой отряд, как будто бы добровольно—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).

6) Обвиняемого дезертира *Ястребова, Ивана Тихоновича*, д. Семиц, Ямновской волости, Семеновского уезда, бежавшего из части с поддельными документами, РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года со дня вынесения настоящего приговора).

7) Обвиняемого дезертира *Жарова, Герасима Павловича*, д. Ежево Юрсовской волости, Семеновского уезда, задержанного в лесу отрядом и при попытке его задержать, убежал и явился в другой отряд—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 20 июля с. г.).

8) Дезертира *Корнеева, Тимофея Павловича*, д. Кожевлева, Пятницкой волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течение одного года со дня настоящего приговора).

9) Дезертира *Максимычева, Евгения Ильича*, д. Греннина, Зиняково-Смольковской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 20 июля с. г.).

10) Обвиняемого дезертира *Макарова, Максима Андреевича*, д. Остреево, Чистопольской волости, Семеновского уезда, дважды бежавшего—РАССТРЕЛЯТЬ (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 20 июля с. г.).

Военно-Полевой Революционный Трибунал
при особой Чрезвычайной Комиссии „ТРЕХ“

20-го июля 1919 года.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Военно-Полевой Революц. Трибунал (Комис. „Трех“) при
Губкомдезертир в заседании своем от 22-го июля 1919 г.

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:

1) Обвиняемого дезертира *Харламова, Михаила Ивановича*, дер. Орлово, Останкинской волости, Семеновского уезда **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течении одного года со дня, настоящего приговора).

2) Обвиняемого дезертира *Милякова, Николая Емельяновича*, д. Медведева, Хвостиковской волости, Семеновского уезда, скрывавшегося с 21 ноября 1918 года, задержанного отрядом, злостного, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 22 июля с. г.).

3) Обвиняемого дезертира *Ессеева, Григория Флегоновича*, д. Здарово, Кантауровской волости, Семеновского уезда, явившегося добровольно **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок, в течении одного года, со дня настоящего приговора).

4) Обвиняемого дезертира *Сафронова, Василия Федоровича*, д. Зименки, Хвостиковской волости, Семеновского уезда, злостного, с поддельным документом, увеличивающим его возраст на 10 лет, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 22 июля с. г.).

5) Обвиняемого дезертира *Сиверова, Мир. Вас.*, д. Зименки Хвостиковской волости, Семеновского уезда, злостного, с поддельным документом, выданным работником Семеновского Уездвоенкома, Тимерманом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 22 июля с. г.).

6) Обвиняемого сотрудника Семеновского Уездвоенкома *Тимермана, Юганеса Ивановича*, д. Немлюль, Сутклепской волости, Эстляндской губ., в подделке документа для дезертира Сиверова—**РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 22 июля с. г.).

7) Обвиняемого дезертира *Долинкина, Никиты Константиновича*, д. Анниковки, Богоявленской волости, Семеновского уезда, злостного, добровольно явившегося, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течении одного года, со дня вынесения настоящего приговора).

8) Обвиняемого дезертира *Туркуева, Семена Михайловича*, д. Анниковки, Богоявленской волости, добровольно явившегося **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполне-

ние немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течении одного года, со дня настоящего приговора).

9) Обвиняемого дезертира *Кирсанова Григория Лукича*, д. Анниковки, Богоявленской волости, добровольно явившегося, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течении одного года со дня вынесения настоящего приговора).

10) Обвиняемого дезертира *Смирнова, Парфентия Карповича*, д. Казанцево, Хохломской волости, злостного, задержанного отрядом **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 22 июля с. г.).

11) Обвиняемого дезертира *Хорева, Федора Михайловича*, д. Орлово, Останкинской волости, Семеновского уезда, злостного, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 22 июля с. г.).

12) Обвиняемого дезертира *Сахранова, Андрея Михайловича*, д. Орлово, Останкинской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом не злостного, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок, в течении одного года, со дня настоящего приговора).

13) Обвиняемого дезертира *Трефилова, Михаила Федоровича*, д. Орлово, Останкинской волости, Семеновского уезда, задержанного отрядом, злостного,—**РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 ч. утра 22 июля с. г.).

14) Обвиняемого дезертира *Александрова, Федора Николаевича*, д. Анниковки, Богоявленской волости, Семеновского уезда, бежавшего из части, злостного, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 час. утра 22 июля с. г.).

15) Обвиняемого дезертира *Воробьева, Алексея Ильича*, д. Городищ, Ивановской волости, Макарьевского уезда, злостного, задержанного отрядом, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор приведен в исполнение в 6 часов утра 22 июля с. г.).

16) Обвиняемого дезертира *Личанова, Никандра Андреевича*, д. Максимихи Богоявленской волости, Семеновского уезда, добровольно явившегося, **РАССТРЕЛЯТЬ** (Приговор привести в исполнение немедленно, если им будет совершен проступок или вторичная отлучка в срок в течении одного года, со дня вынесения приговора).

Военно-Полевой Революционный Трибунал
при особой Чрезвычайной Комиссии „ТРЕХ“

Песня веры и радости.

молодой журнал уже отчасти достиг своей цели.
и становится действительно мыслью красноармейца. От на-
чала и до конца.

Мыслью солдата революции.

Октябрьская революция поставила пролетариат у власти и
сыны пролетариата, сыны рабочих и крестьян стали на защиту ее.

Из партизанских революционных отрядов Красной гвардии
родилась могучая, непобедимая революционная Красная Армия.
От стаканов, от жарких горнов, из сырых и темных подвалов,
из душных, курных изб пришли под Красное знамя сыны рабо-
чей и крестьянской России.

Мы развернули свои знамена,
Столкнули троны королей,
Мы променяли на радость битвы
Ряды невенчанных иолей.

В чем же эта «радость битвы»? Откуда она?

Эту радость рождает в душе сознание, что на просторах цеобозри-
мого мира возникла величайшая в истории человечества битва:
люди с неправдой, добра со злом, учиненных с угнетателями.
Сами правда, с пами добро, с нами вера в лучшую жизнь —
погону с пами радость.

Мы развернули свои знамена,
Пускай погибнет быдая муть!
Мы звали цепи, мы любим волю,
Вступаем с песней на новый путь!

Этот новый путь ведет нас к светлому будущему, в красные
ланы свободы и счастья:

Мы миру укажем на новые вехи...
Скорее же в бой, надевайте доспехи!
Сокнувшим теснее ряды за рядами,
Безудержно в даль, за родными вождями!

Поэтому так светла боевая песня коммунара. Знает он, что
кровь свою проливает он за уничтожение зла и неправды на земле, за свою лучшую, счастливую долю.

И еще в душе его радость и ликование, потому что верит он
в свою победу.

«Я способен бороться с вами, — пишет красноармеец Тоболь-
ский, — я в силах одержать победу над старым миром. И я борюсь.
Я чувствую приближение моей победы, — и ликую радостью ве-
шкой. Жизнь подневольная пала, старому нет уж возврата!»

И другой поэт пишет:

Пусть врат нас жмет кругом... Но вы...
Вы — коммунары,
Претрадой станете, примкнув свои штыки.
И грозны будут ваши новые удары
На непавистные злодейские полки.

Но в самом ли деле живет в сердце красноармейца такая
непависть? И может ли жить она там, где сознание необходимости
битвы так радостно и светло?

Есть ли в душе красноармейца жажда крови? Жажда истре-
бления?

Нет, их нет в ней. И не может быть.

Последняя строчка приведенного четверостишия чужда душе
солдата революции.

Да, в битву он идет, проклиная врага, но не тех заблудших
и обманутых братьев своих, которых жадная и хитрая буржуа-
зия вовлекла в эту братскую битву. Вот ее-то он и проклинает.

Лозунг революции, лозунг ее солдата:

— Долой кровь!

Ни крови, ни погибельных не хотим,
Мы жизнь нашу так и без них создадим.
И жизнь будет светлая, рай на земле, —

пишет красноармеец-доброволец И. И. Ганин.

В прекрасном стихотворении А. Н. Вихрев дает тот образ
былинного героя, Ильи Муромца, свет Ивановича, от которого
пошел — есть на земле родной наш герой революции.

Матерой казак и крестьянин Илья Муромец,
свет Иванович!

Бывшийся за вдову и спроту,
Главный с Руси нечесть гордливую,
Князьям и боярам перечишивший.

Злом «ни на татарина, ни на крестьянина не помысливший!»

Таков красный солдат! В его душе не может быть непависти
ни к «эллину», ни к «иудею», ведь на своем знамени он начертал:

— Да здравствует Интернационал!

И если бьется он теперь, то только потому, что ему «мешают».

Не тронем мы вас, не мешайте лишь нам!

На вольную и радостную дорогу светлого строительства вы-
шел внук Ильи Муромца, красный солдат революции, но окру-
жила его со всех сторон вражеская, наемная рать, троит она ему,
то с той, то с этой стороны, то с Юга, то с Востока, то с Севера,
то с Запада.

И бьется он с ней неустанно, бьется и на Юге, и на Востоке, и
на Севере, и на Западе, бьется с песней веры и радости на устах,
бьется с одной мыслью о близком счастье в душе, бьется с теми,
у которых «глаза завидующи и руки загребущи».

Близка победа, близко счастье...

И растет и ширится песня революции, песня счастья, песня
веры в победу, песня радости и воли.

Борис Гусман.

Цена 6 рублей.

НИЖНИЙ-НОВГОРОД.
Типография Народного Комиссариата по Военным Делам
Архангельская ул., дом б. Кочетова.